

Изабелла Кроткова

ИЗБА, САНТОНИЯ
ИЛИ ВЕРОНИКА

18+

Изабелла Кроткова

Ива, Антония или Вероника

«Автор»

2023

Кроткова И.

Ива, Антония или Вероника / И. Кроткова — «Автор», 2023

Страшное событие произошло зимней ночью в загородном особняке профессора Веденева — убит известный художник Андрей Лавровский. Одна из ниточек полицейского расследования ведёт к красавице фотомодели Флоре, дочери профессора: в ту ночь с её сотового телефона, найденного утром на пороге отцовского особняка, совершено несколько странных звонков. Сёстры девушки — Ива, Антония и Вероника — убеждают Флору, что в одиннадцатом часу она звонила каждой из них и, рыдая, признавалась в убийстве. Потрясённая Флора, к своему ужасу, ничего не помнит, поэтому всё категорически отрицает. Обстоятельства против неё, однако есть одно «но» — голоса сестёр очень похожи и выдавать себя за Флору могла любая из них. Пытаясь вырваться из страшной ловушки, девушка сама начинает поиск настоящего убийцы. Пугающие провалы в памяти, преследование красной машины, призрак в серебристой куртке, тайны, интриги, шантаж и, конечно, обжигающая любовь — всё это в новом остросюжетном детективе «Ива, Антония или Вероника».

© Кроткова И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвёртая	14
Глава пятая	17
Глава шестая	20
Глава седьмая	22
Глава восьмая	26
Глава девятая	30
Глава десятая	34
Глава одиннадцатая	36
Глава двенадцатая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Изабелла Кроткова

Ива, Антония или Вероника

Глава первая

– Ну наконец-то, дорогуша.

За двадцать пять лет жизни я так и не научилась различать голоса своих сестёр. Вот кто сейчас произнёс это? Ива, Антония или Вероника?

На потолке качается тень. Размытый тёмный силуэт.

Откуда-то издалека доносится ровный бесстрастный голос. Слова рассыпаются, как лёгкие семена на ветру.

«Радио», – догадываюсь я.

Голова мутная и тяжёлая, а тело будто приклеено к какой-то плоской поверхности. Не могу шевельнуть ни рукой ни ногой.

«Громкое убийство, всколыхнувшее город несколько дней назад, имеет все шансы стать раскрытым по горячим следам. Напоминаем, что в семь утра восемнадцатого января в особняке, известном под названием «Сорока», в элитном посёлке Щепнёво был обнаружен труп известного художника Андрея Лавровского с признаками насильственной смерти. Лавровский погиб от удара по голове тяжёлым тупым предметом. В преступлении подозревается Яна Веденева, жена хозяина особняка, профессора Филиппа Веденева. По одной из версий, Андрей Лавровский и Яна Веденева состояли в любовной связи, о чём свидетельствует активная переписка в соцсетях, а также множество совместных фото. Следствием установлено, что вечером семнадцатого января Яна находилась в особняке «Сорока». Это подтверждают разговаривавшая с ней по телефону и опознавшая её голос клиентка Филиппа Веденева, а также видевшие её соседка и курьер ресторана «Город мечты», в 19:50 доставивший в особняк заказ, который приняла лично Яна.

Предполагается, что между любовниками произошла крупная ссора, после чего Яна ударила Андрея топором. Пришедшая утром домработница семьи Веденевых застала Яну возле бездыханного тела Лавровского с топором в руке, и она же вызвала скорую и полицию.

По данным экспертизы, смерть Андрея Лавровского наступила около девяти часов вечера семнадцатого января.

В настоящий момент Яна Веденева взята под стражу и содержится в следственном изоляторе. Поскольку недостатка в уликах нет, дело обещает быть...»

Я приподнимаю голову, чувствуя, как сильно она кружится. Взору предстаёт знакомая комната, капельницы в изголовье кровати и сидящая в кресле у камина старшая сестра Тони.

Тони нажимает кнопку на смартфоне, и радио замолкает.

Я с удивлением смотрю на неё.

– Ты прилетела? Когда? Зачем?.. – Хриплый голос плохо слышится, кажется чужим.

Тони пожимает плечами:

– Вчера. Пришлось взять отпуск в университете. Отец слёг с сердечным приступом. Эта история, похоже, доконала его.

Надсадно кашляя, я вдруг осознаю услышанное по радио.

– Какой ужас... Яна арестована за убийство человека?!

Откинув блестящие янтарные волосы за спину, Тони холодно и насмешливо смотрит на меня.

– Конечно, ужас. Ведь настоящая убийца – ты, – роняет она небрежно.

Мой взгляд падает на календарь.

Двадцать первое января.

– Двадцать... первое?.. – невольно вырывается у меня.

– Двадцать первое, – снисходительно подтверждает собеседница.

...Но последний день, который я помню, – это шестнадцатое января...

Что?.. Что она сказала?.. Я убийца?.. Я?!

– Мне пора, – произносит Тони, вставая. – Вижу, тебе полегчало. Алексей по телефону заявил, что ты чуть ли не при смерти. Я уже собиралась заказывать отпевание... Слава богу, что с этим придётся повременить!

Её губы трогает едва заметная улыбка.

– Подожди, Антония! – Я медленно приподнимаюсь и сажусь на постели, держась руками за её края и ощущая плавающую по телу тупую боль. – Как – двадцать первое? И что значит настоящая убийца – я?! Что ты несёшь?!

Тони оборачивается у двери – высокая, натянутая как струна. Абсолютно невозмутимая.

– Ты звонила мне той ночью. С семнадцатого на восемнадцатое. И в пьяных рыданиях призналась, что убила его, этого Андрея Лавровского. Ударила топором по голове. Чтобы забрать дорогую картину. Ты же, как всегда, в долгах, как в шелках!

Увидев мои округлившиеся глаза, Тони поясняет:

– Сестра Лавровского сообщила полиции, что при нём была картина, «Весёлый щебет» Бенедетти. В особняке её не нашли. Поищи у себя, здесь не так много места.

В её интонации слышится желчь.

Я в ошеломлении смотрю на Антонию, потом снова перевожу взгляд на календарь. В голове стоит мутная пелена.

Чёрные цифры – два и один – больно впиваются в зрачки. Смысл сказанного сестрой медленно и туго доходит до моего с трудом пробуждающегося сознания.

Я дотягиваюсь нетвёрдой рукой до стакана с водой и начинаю пить маленькими судорожными глотками.

– Лгунья! – шепчу я возмущённо. – Что ещё за... Бенедетти?! Вчера... То есть... шестнадцатого, в субботу, у меня был жар и температура под сорок, я не могла даже встать с постели! Ночью уснула как сурок... – В интонацию помимо воли проникает неуверенность – я пытаюсь воскресить в памяти семнадцатое, но вместо него перед глазами маячит тусклое пятно.

Как странно, ведь шестнадцатое было вчера. Институт, наше с Алексом катание на горке, моя простуда, температура, врач... Потом я легла спать. Почему я проснулась двадцать первого?

– Какое, к чёрту, Щепнёво?! – Шёпот пытается вырасти в полноценный голос, но сразу срывается на кашель. Стакан в руке дрожит, предметы начинают расплываться.

На Тони мой истерический выплеск не производит никакого впечатления.

– Ты звонила не только мне, – заявляет она. – Всем – Иве, Веронике, папе. Твой сотовый валялся на ступеньках особняка. Слава, дворник, утром расчищал снег и нашёл его. А чувствуешь ты себя так не из-за простуды, а из-за того, что намешала спиртного с лекарствами. Что, впрочем, не впервой. Скажи спасибо своему Алёше, трясётся над тобой как нянька...

Лёгкая горечь сквозит в её тоне. Или зависть.

– Где он? И почему я здесь, а не у него? – Я кручу головой, но мужа нигде не видно. – Что вообще происходит? – Тревога змейкой вползает внутрь. – Я ничего не понимаю!

– Алексей скоро придёт, – неопределённо говорит Тони. На остальные вопросы ответов у неё, похоже, нет.

Мои мысли возвращаются к страшным событиям в отцовском особняке.

– Послушай... а Яна? – бормочу я заплетающимся языком и снова смотрю на календарь, где обведено красным окошком всё то же двадцать первое января. – Её же опознали свидетели... Соседка, какой-то курьер, папина клиентка... Её нашла домработница...

– Но звонила-то ты, – едко напоминает сестра.

– Да не могла я звонить, что за idiotские бредни?! – раздражённо отмахиваюсь я. – Наверно, это была Ника или Ива! Никто не различает наши голоса, и ты в том числе!

Антония вновь пронзает меня насмешливым взглядом.

– То есть ты намекаешь, что Ника или Ива неизвестно каким образом украли твой сотовый и звонили по нему среди ночи из папиного особняка, признаваясь в убийстве от твоего имени?

Я замолкаю. Невероятно.

Тони тем временем грациозным кошачьим движением накидывает на плечи белую шубку, которая удивительно идёт к её волосам.

– Ярослав передал мне твой телефон – он ничуть не пострадал в своём красивом дорогом чехольчике. А ты, если имеешь хоть каплю совести, не звони отцу с истериками. Врачи запретили его беспокоить. На него и так свалился настоящий кошмар.

– Избавь меня от нравоучений, ты не в аудитории! – обрываю я сестру. Я уже более-менее пришла в себя и понемногу облакаюсь в привычный стиль поведения. И для начала перестаю перед ней оправдываться. Для этого пока нет никаких оснований. Искоса посматриваю на замолчавшую Антонию – чопорную университетскую штучку, – прикидывая, правда ли то, что она говорит. Впрочем, это довольно легко выяснить. Левой рукой я рывком стягиваю с прикроватного столика смартфон и включаю вайфай. Тут же начинают щёлкать оповещения, больно ударяя по мозгам: «Член Союза художников найден мёртвым в особняке «Сорока»... «По подозрению в убийстве задержана жена пластического хирурга»...

Господи, какой ужас всё-таки! – Я снова тянусь к стакану с водой. – ...Однако ни о каких телефонных звонках и ночных признаниях почему-то ни слова. – Мой вопросительный взгляд скользит по лицу Тони, но его выражение остаётся неизменным. Старшая сестра в свою очередь скептически окидывает мою восседающую на постели в позе йога фигуру.

– Очень жаль, что из-за тебя пострадает ни в чём не повинная Яна. – Она вздыхает, как мне кажется, чересчур нарочито. – Знаешь, меня всегда удивляло то, как ты умеешь, прикинувшись милой овечкой, творить грязные делишки за спиной близких людей...

Я догадываюсь, что она имеет в виду.

– При чём здесь это? – цежу я довольно грубо.

У Тони резко обостряется румянец на скулах.

– Потому что всё это звенья одной цепи, сестрёнка. Но убийство в целях наживы – это уже слишком!

– Да пошла ты...

Мне никогда не стреляли в висок, и я не падала как подкошенная. Но сейчас от слов Тони хочется упасть, раскинув руки, и снова провалиться в глубокое безмолвие. Однако я изо всех сил держусь в независимой позе йога, скрестив ноги на постели.

– Что-то не сходится. – Внутри всё сжато до боли, но голос рвётся сквозь тугую ком и звучит почти уверенно. – Даже если бы я взорвала целый посёлок, мне совершенно незачем звонить всем вам с признанием! Особенно тебе! – Под конец короткой речи я гневно ору и тут же вновь захожусь в кашле. Голос надламывается, падает, оборвавшись на взлёте, в глазах резко темнеет. Состояние моё слабое, еле живое, и от крика мгновенно бросает в жаркий пот.

– Очевидно, причина в той дури, которой ты наглоталась. – Тони по-прежнему спокойна и холодна. – Алексей нашёл тебя здесь в первом часу ночи, валяющуюся в сугробе на обочине, всю в грязи и крови. Ты сообщила, что ездила в Щепнёво и сбежала оттуда, потому что убила топором мужчину.

И она срубает меня взглядом золотисто-карих глаз. О, Тони уже давно не та нескладная, прыщавая и сутулая девушка, какой была в юности. Теперь она настоящая красавица – стройная, подтянутая, с нежной смуглой кожей и тонким румянцем. Правда, в свои почти тридцать четыре года она до сих пор не замужем.

«Глупое трепло...» – думаю я об Алексее. Во рту внезапно становится очень сухо, и я невольно облизываю края губ.

– И как ты отреагировала на мой звонок? – Я жду ответа с невольным трепетом.

– Посоветовала тебе проспать, – Тони хмыкает. – Кто бы мог подумать, что это окажется правдой?!

Надо же, насколько глубоко я восприняла совет. Проспала три дня.

– И что теперь? Побежишь в полицию? – тихо спрашиваю я, держась за край кровати, чтобы не упасть. Очертания предметов расплываются, матрас подо мной колыхается, как на волнах.

– Побегу? – Тони поднимает бровь. – Я не настолько законопослушна. Ты как-никак моя сестра. Но учти, если меня вызовут на допрос, я не стану тебя выгораживать. – И она независимой походкой выходит из комнаты, бесшумно притворив за собой дверь.

Шлейф тонкого аромата её духов ещё долго стоит в воздухе.

А за окном медленно тускнеют краски вечера. Уткнувшись щекой в горячую мятую подушку, я изо всех сил пытаюсь вспомнить тот страшный, провалившийся в чёрное небытие день – семнадцатое января.

Глава вторая

Первая половина шестнадцатого представляла передо мной ярко и отчётливо. Около часу дня Алекс встретил меня после занятий в институте. Перекусив в «Забаве», мы пошли в парк, где я долго каталась с горки. Я хохотала и бесилась как непослушный ребёнок, а муж стоял столбом чуть поодаль, в группе скучающих «взрослых», и корчил осуждающую мину. К вечеру я почувствовала лёгкое недомогание и кашель. По настоянию Алекса приходил врач, установивший обычное ОРЗ. Я выпила лекарство и заснула.

Вечерние события качались в памяти, как пьяный корабль. Воспоминания прибывало к берегу разбитыми в щепки, они лепились одно к другому в затейливых сочетаниях, складывались в причудливые пазлы, перемешивались, как в калейдоскопе, путались с обрывками больших сновидений.

Я попыталась вспомнить всё с самого начала. Итак, вечер шестнадцатого. Зыбкой галереей вновь промелькнули призрак врача, озабоченное лицо Алекса, таблетница на подносе. А дальше? Но скользящий пёстрый ряд слайдов, так хорошо и складно начавшийся, вдруг оборвался, словно споткнулся о чёрный кадр, и память беспомощно остановилась перед ним.

Испуг и бессильная ярость одновременно овладели мной. Ещё никогда не случалось такого, чтобы я не могла вспомнить прошедший день! Впрочем, если не совсем кривить душой, в редких случаях после особо бурных возлияний в компании это бывало, но какие-то обрывки событий всегда застревали в голове, а чтобы вот так, всё стиралось полностью...

Здесь же перед глазами стояла плотная непроницаемая завеса.

Смотреть было больно, думать тоже, а вспоминать не получалось совсем. Но жуткий рассказ Тони, если он являлся правдой, не оставлял вариантов: в ту ночь из особняка «Сорока» ей звонила либо я, либо одна из сестёр.

Если Тони узнала мой голос, то это означает, что она узнала наш общий голос – природа распорядилась так, что голос у нас один на всех.

Да, какие-то индивидуальные обертоны есть у каждой из сестёр – у Ивы интонации чуть музыкальнее и переливчатей, у самой Тони – глубже и сочнее, в тоне Вероники всегда угадывается улыбка, а я, возможно, произношу слова немного резче остальных. Но всё это настолько тонко, что отличить нас по голосу практически невозможно – для этого нужно обладать исключительным музыкальным слухом и знать нас много лет, чтобы привыкнуть к особенностям каждой.

А если одна сестра копирует манеру другой, то голос не различит никто на свете.

Я в третий раз вернулась к началу воспоминаний.

Был врач. Правда, черты лица ускользают из памяти... Вот он шепчется в углу с Алексом, вот в его руке появляется ручка, вот она бежит по бумаге... А дальше?!

Мрачный занавес дня слегка колыхнулся, и из-под его краешка выскользнула знакомая песня.

«Не спрашивай любовь, надолго ли она к тебе...»

Мелодия моего сотового.

Звонок. Значит, кто-то звонил! Во сколько, кто, зачем?..

Можно было бы проверить это в телефоне, но я хотела вспомнить сама.

Следуя за музыкой, напевая её раз за разом, прокручивая в голове снова и снова, я, как реставратор собственной памяти, восстанавливала пропавший эпизод.

И в тот момент, когда показалось, что глупее способа не придумать, картинка неожиданно открылась.

Я стою посреди комнаты, но не в квартире Алекса, где мы живём вместе уже полтора года, а здесь, в своём давно пустующем доме. Сотовый липнет к щеке, из динамика доносится возбуждённый голос, и моё лицо постепенно хмурится.

Потом я медленно откладываю телефон в сторону и смотрю, как за окном в холодных сумерках завивается в бешеном танце белый вихрь...

Больше ничего выудить из-за занавеса не удалось. Остальные события семнадцатого января выпали из памяти, как скользкая карта из колоды. Она легла рубашкой вверх, и что скрывалось на обратной её стороне, определить было совершенно невозможно.

Опустошённая, с гудящей головой, я упала на кровать.

Что же это такое? Мне необходимо опровергнуть дикое обвинение сестры, а я бьюсь в кровь с собственной памятью, чтобы вырвать из неё хоть какой-нибудь обрывок исчезнувшего дня...

Чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, я пошарила рукой по подносу, нащупала незнакомое средство – некий альбетокс – и судорожно швырнула в рот.

Мобильник царапнул ладонь еле заметной вмятиной. Кажется, раньше её здесь не было...

«Ты звонила всем – мне, Веронике, Иве, папе. И в пьяных рыданиях призналась, что убила его, этого Андрея Лавровского. Ударила топором по голове...»

Это невозможно... Этого не может быть! – быстро проплыло по извилинам мозга.

Телефон – тёмно-серый, прохладный, с незнакомой вмятиной – холодил ладонь. Если бы вот так и замереть с ним в руке – и не смотреть, и не знать...

Я понимала, что следующий миг разрубит жизнь на «до» и «после». А может, она и так уже разрублена... Топором.

Итак, семнадцатое января, ночь, исходящие вызовы.

22.05 – звонок Веронике. 00 минут 00 секунд.

Ника не взяла трубку. Узнаю малышку.

22.06 – звонок Иве. 2 минуты 36 секунд. Хм, похоже, я разоткровенничалась с младшей сестрицей!

22.09 – отцу. 15 секунд. Чёрт знает что.

22.10 – звонок Тони. 53 секунды. Это до какой же кондиции надо было напиться, чтобы ей позвонить...

Я почувствовала, как к вискам приливает кровь.

Тони не солгала.

Глава третья

Когда-то наша семья была очень дружной. Но те времена остались далеко-далеко в прошлом – в том прекрасном прошлом, когда мама была жива. Я помню её высокой, статной, светловолосой и постоянно красующейся перед зеркалом. Она умерла шестнадцать лет назад, двадцать седьмого апреля 2003 года. Я была совсем маленькой, но до конца жизни не смогу забыть страшные крики родителей, доносившиеся из отцовского кабинета. Мы, девочки, сгруппировались за неплотно прикрытой дверью – помню, как прилипла к узкой щели рослая и хрупкая семнадцатилетняя Тони. С какими безумными глазами теребила золотистые косички восьмилетняя Ива. Как носилась и верещала крошечная Ника, путаясь у всех под ногами. И как чуть поодаль, держа за руку няню Раису Тимофеевну, безмолвно застыла я. Внезапно раздался жуткий грохот, а потом всё вдруг стихло и по-звериному завыл отец...

Ворвавшись в кабинет, мы увидели ледящую кровь картину – мама лежала на полу бездыханная. Она упала, ударившись головой о край стола, и умерла мгновенно.

С того дня в доме поселилась невидимая боль. Тихая и беспощадная, она просочилась во взгляд отца и грызла его душу, жадно, сочно и непрерывно. Потом боль ушла, уступив место гнетущей тоске. А ещё позже тоска сменилась холодным безразличием к нам, детям. Равнодушной стеклянной пустотой.

Отец едва не угодил в тюрьму, но доказать его вину не удалось. Скорее всего, он и не был виноват – мама оступилась сама, поскользнувшись на какой-то Никиной игрушке... Ужасно.

Долгих двенадцать лет отец прожил вдовцом, выбираясь из этой боли и тоски, окунувшись в работу и интенсивно занимаясь карьерой. А четыре года назад, став уже известным на всю страну пластическим хирургом, неожиданно обзавёлся новой женой Яной, довольно молодой, довольно стройной, в меру симпатичной и исключительно жадной, ибо, по моему мнению, только жадность может заставить женщину выйти замуж за человека с таким тяжёлым характером и настолько старше себя. Впрочем, избирательное зрение отца замечало только первые три качества молодой супруги.

В течение двенадцати лет его вдовства мы, дети, получали всё что душе угодно, кроме отцовской любви. Он обладал приличным состоянием, доставшимся от родителей (к сожалению, дедушка и бабушка утонули в ненастный день на яхте, когда я ещё даже не родилась), но мы росли как сорная трава. После трагической гибели нашей матери отец потерял к нам всякий интерес, переложив заботы о нас на няню Раису Тимофеевну. Казалось бы, в такой ситуации мы, девочки, должны были крепко сдружиться, однако для этого мы были слишком разными – и по возрасту, и по интересам. Чем дальше, тем сильнее проявлялась наша разрозненность и разобщённость. Мы могли неделями не видеть друг друга, живя в одном особняке.

Антонии, самой старшей из нас, удалось избежать искушений юности. Она отчаянно мечтала вырваться из бездушного отчего дома и, сжав зубы, постоянно корпела над учебниками. Миновали соблазны и тихоню Иву, которая всё свободное время читала, нацепив на нос очки. Впрочем, в силу возраста (нас разделяет только год) Ива частенько становилась поверенной в моих похождениях и любовных приключениях. Она слушала меня как сказочницу Шехерезаду, широко распахнув близорукие серые глаза. В те годы, лет семь или восемь назад, она искренне восхищалась мной или, наоборот, переживала и давала вполне разумные советы. Увы, рассудительность и благоразумие сестры были мне несвойственны, моя рискованная натура требовала новых авантюр, и я продолжала снова и снова влипать в неприятные истории.

Глупышка же Ника с головой погрузилась в мистику. Вместо учёбы она вечно творила какие-то пентакли, затем настала пора увлечения хиромантией, и самая младшая сестрица таскалась хвостом за всеми, предлагая погадать на ладони. Но Ника хотя бы не позорила семью, её наивные предсказания не распространялись за пределы дома, а вот меня шатало нехило:

рокеры, мотоциклы, ночные клубы с сигаретами и алкоголем, а в этих клубах – мои дурацкие пьяные выходы, эротические танцы на столе и драки парней из-за моей персоны. В общем, я оказалась самым неблагоприятным отпрыском профессора Филиппа Веденева.

Наконец отец спохватился, что своим асоциальным поведением я могу всерьёз испортить ему репутацию, и вовремя выдернул меня из засасывающего омота греховных страстей. Сейчас я вполне благопристойная особа, в порочащих связях не замеченная. Ха!.. Впрочем, как все мы, сёстры Веденева.

Вторично женившись, отец тут же купил каждой дочери собственное отдельное жильё, но ключей от «Сороки» ни у кого не отобрал и замки не сменил.

Красивый жест. Правда, в гости к семейной чете без особого повода редко кто из нас заезжает. Тони уже три года живёт во Франции, где преподаёт в университете русскую литературу. Ника слишком увлечена своими магическими практиками, теориями снов и сновидений и прочей мутью. Чаще остальных в «Сороке» появляется Ива: в силу своего лёгкого и уступчивого характера она сразу подружилась с Яной.

Я тоже время от времени езжу в Щепнёво – в основном после ссор с Алексом. Чтобы вдохнуть спокойное тепло этого места, его безмолвие и простор.

Яну я терпеть не могу, и, в отличие от деликатной Ивы, относящейся ко всему с пониманием и терпением, меня бесит, когда никчёмная красотка с важностью пингвина хозяйничает в нашем доме. Стоит молодой папиной жене начать неловко и неумело проявлять гостеприимство и радушие, как у меня внутри всё начинает закипать.

В последнее время она чувствует это и, завидев у ворот мой маленький белый Smart for two, скрывается на втором этаже.

Отец при встрече лишь коротко кивает, а бывает, и вовсе не выходит из своего крыла, и тогда я даже не ощущаю присутствия парочки в доме.

Так даже лучше.

Я знаю, что все домашние считают меня этакой попрыгуньей-стрекозой, взбалмошной и пустой, думают, что я не люблю холодное пристанище своего детства, но они не догадываются, что этот дом – как заброшенный корабль, он несёт меня по волнам мечтаний, и я уплываю далеко-далеко от тоскливой реальности. Дом лечит меня. Я могла бы делиться сокровенным с подругами или психологом, но предпочитаю не грузить никого своими проблемами, казаться весёлой и независимой. В минуты уединения мне нужна лишь моя комната, мой бар, мой «Бейлиз» в этом баре и моя уютная веранда.

Да, мой, моя, мои! Я никак не могу смириться с тем, что уже выпорхнула из семейного гнезда, поэтому веду себя вызывающе.

Дом имеет два входа: центральный, через террасу, и задний, со стороны сада.

Я, нацепив маску неприступного высокомерия, всегда шествую с центрального. Если Яна наблюдает сверху, то видит мою лёгкую и уверенную походку модели, не догадываясь, какие кошки в этот миг скребут у меня на душе...

Я попадаю в огромный холл, за ним по широкому переходу – в свою комнату в северном крыле первого этажа. Не спеша раздеваюсь, достаю из бара «Бейлиз», плюхаюсь в кресло на веранде и начинаю потягивать ликёр, глядя на любимый сад – цветущий и шумный, или тихий, засыпанный снегом. Здесь, как на собственном островке, можно грустить, вспоминать, плакать, надеяться, строить планы. Смотреть на ливень или капель, солнце или луну. Они не войдут и не помешают. Они никогда не трогают меня.

Слабое течение воспоминаний вдруг остановилось, зацепившись за одно важное обстоятельство.

В последнее время я приезжаю в Щепнёво только после ссор с Алексом.

И семнадцатого января я могла оказаться там, только если эта ссора произошла.

...Но убить незнакомого человека я не могла ни при каких условиях и обстоятельствах!

Или могла?..

Глава четвёртая

22.05 – Вероника. 00 минут 00 секунд.

Даже если предположить, что весь этот ужас действительно произошёл со мной, то очень странно, что первой я позвонила Веронике.

Я не очень дружна с Вероникой: она моложе на пять лет, ей всего двадцать, и в голове у неё ветер. Учёбу в престижном юридическом институте она бросила после первого семестра. Махнула в Индию, изучала каких-то богов, ритуалы, таинства... Потом вернулась и снова болтается без дела – благо отец оплачивает все её прихоти. Впрочем, мне ли говорить об этом, ведь меня он тоже содержал до самого замужества, да и сейчас время от времени подкидывает денег, а Ива и до сих пор почти полностью находится на его довольствии. Конечно, мы обе что-то зарабатываем – Ива в риэлторской фирме, я в модельном агентстве, – однако мы привыкли к совершенно другим доходам и не гнушаемся отцовскими деньгами.

Но мы хотя бы не бьём баклуши, а что касается Ники, то в голове у неё полная мешанина.

Ей кажется, что она видит вещие сны. На самом деле сны никакие не вещие – она рассказывала мне о них. На мой взгляд, они как лоскутные одеяла, скроенные из не связанных друг с другом образов, однако Ника упорно притягивает их якобы символический смысл к разным событиям своей жизни.

Чем дальше, тем сильнее пучина магии и чародейства затягивает малышку. Теперь Ника пытается гадать, ясновидеть и прорицать.

Насколько это занятие успешно, не знаю, но у неё уже сложилась своя клиентура из суевренных тётенок предпенсионного возраста.

От меня всё это очень далеко, я модель и учусь на актрису, не верю в мистику и не разделяю Никиных увлечений.

Однако первый звонок с моего телефона в ту ночь поступил именно ей.

Пожалуй, это можно считать царапкой несоответствия.

Если бы звонила действительно я, то из всех сестёр я, вероятнее всего, сначала позвонила бы Иве. А ещё с большей вероятностью не позвонила бы никому из них.

Второй царапкой было то, что я не позвонила Алексу – верному псу. Впрочем, если мы находились в ссоре, то это всё объясняет...

Изнутри поднялась злость на Тони – моя душа слишком нежна для столь ядовитого известия, разъедающего её, как ржа металл...

Неожиданный щелчок двери болезненно рубанул по вискам, и через секунду в комнате возник Алекс – Алексей Кулаков, тридцать пять лет, управляющий банком «Наше будущее», мой законный супруг. Он предстал перед мои очи в строгом костюмчике, начищенных ботиночках, вылизанный и элегантный – до тошноты. При виде меня, в полном сознании сидящей на постели, лицо его озарила блаженная, слегка глуповатая улыбка.

– Флора, любимая! Антония сказала, что ты пришла в себя. Какое счастье, господи! – Он кинулся к кровати, едва не повалив стул с лекарствами, и бухнулся головой в мой живот, накрытый одеялом. От Алекса буквально разило острым ароматом цветов, и он тут же высунул из-за пазухи букет, очевидно из салона Евгении Аполлинарьевой. Эрингиум, морозник, что-то ещё, прекрасное и незнакомое, и королева букета наперстянка – лаконично, изысканно и стильно. Всё, как я люблю.

Четыре дня, проведённые в беспомыслии, похоже, обнулили мои чувства. Глядя на Алекса, я в недоумении спрашивала себя, что я нашла в этом человеке, засунутом в футляр старомодных правил и норм.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил тем временем муж, всучив цветы в мою вялую руку. – Солнышко моё родное! – Из него выплёскивалась эйфория, такая бурная, что её лучи неприятно обжигали лицо.

– Бывало лучше... – пробормотала я, отмахиваясь от птичьих поцелуев. Алекс клевал мои щёки, как назойливый воробей. – Подожди... Да подожди же! – Я с силой оттолкнула его модно подстриженную голову. – Расскажи, что произошло семнадцатого? Что за ересь молола Тонька? Почему я здесь, а не у тебя, кого я убила и что за капельница у кровати? Я ничего не помню...

Алекс, ошарашенный моей грубостью, растерянно отодвинулся. Какое-то мгновение его крупные ладони не знали, куда приткнуться, потом, накрыв друг друга, смиренно улеглись на колени.

Переложив мучительные вопросы на мужа, я надеялась избавиться от неуютного кома в солнечном сплетении. А после встряхнуться и зашагать по жизни весело и просто, как всегда. И для этого по моему велению он должен был подробно и ясно изложить ответы, которые развеют моё беспокойство.

Я взирала на него во внимательном ожидании.

Алекс, не отводя от меня пугливого, затравленного взгляда, вновь придвинулся, осторожно, еле ощутимо, и молча начал гладить меня по голове.

Я выскользнула из-под его руки и отвернулась, чтобы скрыть раздражение. Неужели четыре дня назад я любила его? Не может быть. Я никогда никого не любила. Я меняла парней как перчатки. Почему я залипла на Алексе? Поскользнулась в бассейне, упала, разбила колено. А он оказался рядом. Подскочил, заботливо подал руку, поднял и повёл, поддерживая под локоток. А потом взял на руки, притащил в свою машину и отвёз к себе домой. Вылечил, накормил-напоил... Спать уложил. И больше не отпустил. Через два месяца мы поженились. Его взгляд всегда выражал немое восхищение и щенячью преданность. Показавшийся сначала крутым мачо, на деле Алекс оказался болезненно мнительным и ревнивым занудой. «Где ты была? Я целый час не мог до тебя дозвониться!», «Кто этот парень, что не сводит с тебя глаз? Ты знаешь его?» – В глазах моей второй половины появлялся ужас. «Флорочка, нехорошо, когда ночнушка валяется на постели. Её надо ровненько сложить и положить в шкаф...», «На завтрак нужно кушать только полезные продукты, а в этой ветчине полно добавок...», «Слезь с мотоцикла, милая, – ты можешь упасть!...»

Эти и другие подобные фразы Алекса мощным камнепадом обрушивались на мои мозги. И сам он казался таким же «ровненьким», как тщательно сложенная «ночнушечка», небрежно брошенная мной на спинку кровати.

В последнее время мы стали часто ссориться – из-за его нудных стариковских нравоучений, советов и подсказок, которые начали приводить в бешенство мою свободолюбивую натуру.

Сейчас, когда он сидел передо мной и я смотрела на его сжатые на коленях руки, отторжение обострилось. Алекс был причастен к той ночи, к моему смятению, к буре сомнений, к беспамятству и завесе чёрной тайны. Если я могла быть семнадцатого в Щепнёве, то лишь из-за него...

Мы часто ссорились.

Но только не семнадцатого, нет...

Я сощурила глаза до острой рези.

Алекс опустил руку и отвернулся. У него был очень некрасивый затылок. Я смотрела на этот затылок, на волосы, закручивающиеся на макушке по часовой стрелке, и ждала, когда муж рассеет тучи над моей головой.

«Мы не ссорились.

Я никуда не уезжала...» – мысленно заклинала я его.

Но первая же фраза Алекса ударила меня в тот самый ком в солнечном сплетении.
– Утром семнадцатого мы поругались.

Глава пятая

Глядя на мужа исподлобья, я слушала, как он покорно перечисляет хронологию событий.

– Вечером шестнадцатого, после того как ушёл врач, я купил тебе лекарства, ты приняла их и заснула. А наутро... Наутро я имел нахальство спросить о парне, в обнимку с которым тебя видели в кафе. Разговор вылился в скандал. Прости, Фло, но ты иногда бываешь совершенно неуправляема.

В итоге ты собралась и ушла, хлопнув дверью. Конечно, я пытался вразумить тебя, напомнить о вчерашней температуре – но, разумеется, все попытки достучаться до твоего здравого смысла оказались бесполезными. Вечером ты не вернулась. Я долго не мог заснуть и в конце концов среди ночи помчался к тебе мириться. Господи, это как страшный сон... – Алекса передёрнуло. – Ты лежала в сугробе у забора с окровавленным лицом! Я сразу же перенёс тебя в дом. С большим трудом удалось привести тебя в сознание, и ты пробормотала: «Щепнёво... Я убила человека... топором». Ты была безобразно пьяна...

– Какой кошмар... – невольно вырвалось у меня.

Алекса затрясло. Было видно, как тяжело ему даётся этот ужасный рассказ.

– Я нашёл тебя минут пять первого. Вымыл, раздел и уложил. К счастью, кровь оказалась от небольшой царапины на щеке, видимо ты просто упала. Но я немедленно вызвал платную скорую, они сделали тебе какой-то укол и увезли в больницу. Я попросил, чтобы там обязательно провели экспертизу! Утром позвонил врач и сообщил, что обнаружил в крови лекарство – антидепрессант, который в соединении с алкоголем может вызвать непредсказуемую реакцию. Вплоть до комы. Вот! – Алекс тряхнул перед моим носом какой-то бумажкой: – Врач-лаборант Беликова.

Я напряжённо нахмурила брови. Антидепрессант?.. Странно.

– А на следующий день во всех новостях объявили, что в особняке «Сорока» найден труп мужчины, погибшего от удара по голове тяжёлым тупым предметом. К несчастью, утром, очевидно, вернулась домой Яна, и через несколько минут её обнаружила домработница – Яна вся в слезах обнимала убитого, а рядом валялся топор.

Я молчала, вытирая внезапно выступивший пот.

– Три дня ты лежала ни живая ни мёртвая! – возбуждённо продолжил тем временем Алекс. – Знала бы ты, как я перепугался! Эта Беликова сказала, что возможна потеря памяти, отмирание некоторых клеток мозга... Вчера я не выдержал – забрал тебя из больницы и перевёз сюда. Я обратился к хорошему врачу, и теперь он каждое утро будет ставить тебе капельницы и проверять твоё состояние. На ночь придёт сиделка – опытная медсестра... Я созвонился с...

– Не надо подробностей, – попросила я. – Дай сигарету.

– Фло! – взмолился Алекс.

Я сверкнула глазами, и он тут же послушно протянул пачку и пепельницу.

Я закурила, чувствуя, как горячий дым, обжигая, приносит успокоение.

– Меня поддерживали только слова врачей, что состояние у тебя стабильное. Ты молодая и крепкая. Организм придёт в норму, и со временем всё восстановится.

– Хорошо бы! Пока что в моей памяти полочка с подписью «17 января» пуста. Неплохо бы её чем-нибудь заполнить... – Я выпустила дым и, поколебавшись, добавила: – Значит, ты тоже считаешь, что этого... как его... Лавровского пристукнула не Яна, а я?

Алекс замялся, потом пробубнил:

– Так ведь ты сама призналась в этом, Фло... Я думаю, что всё произошло случайно. Но не волнуйся! Никто ничего не знает. К приезду скорой ты лежала в своей кровати чистенькая, в ночной рубашке и...

– ...и пьяная в стельку. И ты веришь в то, что я напела?

Тон моего мужа неожиданно обрёл уверенность.

– Солнце моё, мы же поссорились, и ты уехала. Всем известно, куда ты отправляешься в таких случаях! В родительский дом, в «Сороку», заливать ликёром одиночество.

Это было правдой. Я имела такую привычку. И о ней действительно знали все.

– Я запираю себя там, чтобы не пуститься во все тяжкие, Алекс. Чтобы меня не понесло, – неохотно призналась я.

Алекс прижал меня к себе. На этот раз у меня не было сил сопротивляться. Мы помолчали.

– А что ты думаешь о моих сёстрах, Алекс? Ты доверяешь им?

Алекс неопределённо пожал плечами.

– Что я могу о них думать? У них очень красивые имена. Ваши родители отличились оригинальностью и вкусом.

Кто бы спорил. Тони родилась в Италии, где стажировался отец. А меня, насколько я понимаю, назвали из-за ностальгии по Флоренции, когда родители уже вернулись обратно в Россию, в этот Тьмузаср... В этот чудный городок Старицк. И если старшую дочь зовут Антонией, а среднюю – Флорой, то это налагает некую ответственность на выбор имён для последующих детей...

– Но это хотя бы имеет разумное объяснение. А вот на кой чёрт ты сам величаешь себя Алексом?

Не знаю, зачем и, главное, за что, я пыталась его задеть. Да, в нём не было мужественности и брутальности, он не мог разогнаться на мотоцикле до ста восьмидесяти километров в час, он был нудным и не слишком эрудированным. Но он был заботливым, надёжным, отчаянно влюблённым и всем этим нагонял на меня смертную скуку.

Алекс почесал нос. Он цеплял мои нервы всё сильнее, его присутствие начинало всерьёз тяготить. Я знала за собой этот симптомчик, и он являлся безусловным предвестником скорого разрыва отношений.

– Но я ведь спрашиваю не об именах, а о самих сёстрах, – заметила я.

– А что о сёстрах? Ива чуткая, душевная. Я как-то столкнулся с ней на улице, это было давно, у меня тогда был нервный срыв из-за работы – помнишь, весной?..

Я отрицательно помотала головой. Моя забывчивость, признак отсутствия любви, причинила Алексу страдание – выражение боли на миг промелькнуло на его лице.

– Так она меня внимательно выслушала, посочувствовала, врача посоветовала, – закончил он с некоторым нажимом.

Алекс нахохлился, и мне показалось, что дружеский совет встреченной на улице Ивы он ставит в противовес моему равнодушию к его нервному срыву.

– Ника... – продолжил он после слегка затянувшейся паузы. – Ну, немного вещь в себе, норный зверёк. Тони я почти не знаю...

Мой тон стал ледяным.

– А зачем ты ей позвонил, Тоньке? Зачем рассказал обо всём?

– Я был в шоке... – принялся нелепо оправдываться Алекс. – Я плохо соображал... Делал то, что надо, и всё... Это же твоя семья, Фло! Я позвонил всем, кроме Филиппа Андреевича. Вероника трубку не взяла. Но твои сёстры и так обо всём знали. Ты же сама им рассказала! Ива и Антония в один голос заявили, что ты звонила им из «Сороки» и призналась в убийстве... Филиппа Андреевича беспокоить не стал. Надеюсь, он до сих пор не в курсе твоего состояния. Ему и так нелегко...

Я пригасила сигарету и вмяла её в пепельницу.

– Ты такой правильный, Алекс, просто ужас... Только ты забыл, что отцу на меня наплевать.

Он поднял на меня непонимающие глаза. В них застыло глуповатое выражение. Меня охватило странное удовольствие от предвкушения того, как исказится от следующей фразы его добродушное лицо.

– Я хочу, чтобы ты ушёл.

Как я и ожидала, он по-дурацки нахмурил брови.

– Но Фло, ты ещё очень слаба, тебе нужно принимать лекарства по часам, а я могу быть рядом, готовить, ухаживать! И потом...

Он выговорил всё это каркающим от волнения голосом, и меня слегка замутило.

– Ты не понял, Алекс. Я хочу, чтобы ты свалил из моего дома навсегда.

– Но Фло... Я чем-то обидел тебя? Я что-то сделал неправильно? – Глаза Алекса беспокойно забегали, а выступающий кадык нервно дёрнулся.

Я пожала плечами.

– От тебя слишком много проблем, Алекс. Если бы не ты, я бы не мучилась сейчас жуткими догадками, не вытаскивала застывшие воспоминания из головы. Я бы точно знала, что не ездила в Щепнёво и никого не дубасила топором. Наши постоянные ссоры мне слишком дорого обходятся! А всё из-за того лишь, что ты скучный и вялый, как вяленая килька. И эти твои звонки... Визит Антонии отнюдь не добавил мне здоровья. Ну кто тебя просил?..

По опыту я знала, что чем корректнее обосновывать своё решение, чем дипломатичнее подбирать слова, тем дольше и неприятнее будет объяснение. Я всегда разрывала отношения резко и категорично, едва начинала чувствовать раздражение и скуку.

– А как же наше будущее?.. – проговорил Алекс опустошённо.

– «Наше будущее» – это твой банк, дорогой.

Алекс приподнялся, замешкался, не зная, куда девать глаза. Лицо его стало красным. Эдакое чудо меня угораздило подцепить в бассейне полтора года назад!

Судорожно ворочая кадыком, муж пролепетал:

– Ты это твёрдо решила, Флора? Ты бросаешь меня?..

Лицо бедняги стало ещё краснее. Казалось, от него можно без проблем прикурить мои Mellory.

– Да, – повторила я печально. – Как говорят в таких случаях, наш брак оказался ошибкой. Дай отбой сиделке, закажи мне чего-нибудь поесть и проваливай!

Не сказав больше ни слова, Алекс тяжело зашагал к выходу.

Из коридора послышался его слегка дрожащий голос, заказывающий еду из ресторана.

Затем хлопнула дверь.

Слюнявый дурак.

Таблеточки, носовые платочки, вытрем сопельки, скушаем ложечку каши... Ах, ребёночек заболел, надо позвонить папёнке и сестричкам... Как и все остальные парни, вечно следующие за мной гарцующим табуном, он не чувствует ни моей тонкой души, ни дерзкой натуры, не разделяет моих вкусов и пристрастий. Он как безропотный слуга! А мне нужен близкий по духу человек, бунтарь и лидер, сильный и яркий.

Выпровождение Алексея Кулакова отняло последние силы. Пожалуй, кое в чём он прав, я действительно ещё слишком слаба.

Прислонившись спиной к подушке, я посмотрела в окно, где медленно кружились белые хлопья снега.

Тяжесть опустилась на сердце.

Неужели там, в особняке, была я?

Плотный чёрный занавес по-прежнему скрывал исчезнувшее семнадцатое января. Алекс не сообщил ничего нового, он только повторил то, что я уже знала от Тони.

Ника не взяла трубку в ту ночь, но Ива-то взяла.

Пожалуй, пора услышать и её версию.

Глава шестая

Из всех четырёх сестёр самая красивая – я. У Тони правильные аристократические черты, большие светло-карие глаза, волосы редкого янтарного цвета, пропорциональная фигура. Но она высокая, как каланча, и худая, лицо у неё чересчур удлинённое, а волосы слишком жидкие, чтобы назвать их красивыми. Ника, наоборот, маленькая и пухленькая, с короткими толстыми пальчиками и утопленными узенькими ноготочками. Своей неугомонностью, вишнёвыми губками бантиком, каштановыми кудряшками и ямочками на щёчках она напоминает Амура в женском варианте.

Я же не просто красива, а красива завораживающе. При этом у меня нет ни огромных голубых глаз, ни белокурых локонов, ни груди четвёртого размера.

У меня русые волосы чуть ниже плеч – и они густые и ровные, рассыпающиеся как шёлк, отливающие золотистым блеском. Впрочем, я часто меняю их цвет – знакомые помнят меня и огненно-рыжей, и цвета опавших листьев, и даже зеленоволосой, как русалка. Но, каков бы ни был оттенок моих волос, при виде моей персоны мужчины одинаково столбенеют с раскрытыми ртами, и иногда я с усмешкой делаю им ручкой с обручальным кольцом. У меня яркие серые с синевой глаза, точёный носик и природный лёгкий румянец на безупречно чистой коже, прелестная улыбка и белоснежные ровные зубы. Пропорции у меня идеальные – те самые пресловутые 90-60-90 при росте метр семьдесят один. Мне идёт абсолютно любой стиль и образ, я буду отлично смотреться даже в бесформенном мешке. Когда я была ещё малышкой, маму наперебой останавливали на улице сотрудники модных журналов, умоляя разрешить снять меня для рекламы детской одежды, обуви или игрушек. А к сегодняшним двадцати пяти годам моё портфолио уже довольно солидное.

Внешне мы больше всего похожи с Ивой. Но то, что во мне прекрасно, в ней совершенно обычно. В её серых глазах меньше синевы, а ресницы короче и светлее – и это уже не пленительные, а ничем не примечательные глаза. К тому же Ива близорука, и ей приходится постоянно носить очки с довольно толстыми линзами, что тоже не добавляет очарования, а использовать линзы сестре не позволяет аллергия. Фигура у Ивы чуть крупнее и тяжелее моей (здесь она схожа с Никой), кожа не очень свежая, рисунок скул чуть смазаннее, волосы не такие густые, зубы не такие белые и не такие ровные – и все эти «чуть-чуть», объединившись вместе, воссоздают из Ивы мою сильно ухудшенную копию.

Из всего этого следует, что моя красота нередко застревала костью в горле сестёр, но один случай я помню особенно хорошо. Тони тогда было двадцать восемь лет. Ей казалось, что она засиделась в девках, и это мнение вполне разделяли поселковые кумушки-бездельницы, наши соседки.

В какой-то момент старшенькая расцвела. В её печальных глазах стали мелькать искорки, резковатые движения приобрели мягкость, а на лице появилось выражение нежной мечтательности. В чём дело, мы поняли, когда однажды она объявила, что в среду познакомиться с нашей семьёй придет её будущий жених.

Пока воодушевлённая Тони хлопотала на кухне, мы с Ивой и Никой решили показать гостю сад. Малышка Вероника нашла какую-то гусеницу, они с Ивой остановились, чтобы подробно её рассмотреть, и отстали. А мы с Тониным женихом углубились в заросший сад, бродили по его извилистым тропкам, ловили друг друга, прятались за деревьями, я заливисто хохотала над его плоскими шутками, а его взгляд странно светился, и неожиданно он предложил мне сбежать от всех. Что мы и сделали. Мы украдкой выскользнули через заднюю калитку, вызвали такси и тайком смотались в город. Полночи до одури плясали в каком-то баре, потом переспали в гостинице, а утром я как ни в чём не бывало явилась домой.

Тони не сказала мне ни слова. Лицо у неё было осунувшееся и бледное – ни кровинки; счастливые искорки погасли, и под глазами залегли тонкие глубокие морщинки. После этого мы не разговаривали почти три года. То, что я восприняла как очередное развлечение, оказалось для неё глубокой раной. А потом она уехала во Францию...

Чёрт, зачем я сейчас вспоминаю об этом?.. Я и так хорошо знаю, что у Тони есть причина ненавидеть меня.

И я знаю, что такие причины есть и у других сестёр – у каждой своя.

Но неужели кто-то из них мог...

Вьюга за окном усилилась. Внезапно мне стало холодно и появилось лёгкое головокружение.

Я дотянулась до тумбы, запила водой альбетокс, включила ночник над кроватью и забралась под одеяло с ногами.

Вместе с приглушённым светом в комнату проникло уютное таинственное тепло.

В руки скользнул телефон с глубокой царапиной неясного происхождения.

Ива в сети – оповестил Ватсап.

И волнение встряхнуло мою застывшую душу. Что-то она поведает?..

Мне казалось довольно странным, что в новостях нет никаких упоминаний о моём присутствии в «Сороке» в тот вечер.

Получается, меня никто не видел, в то время как Яну видели двое свидетелей и ещё один разговаривал с ней по телефону. Какая-то клиентка...

Наконец, прервав бесплодные рассуждения, я нажала на вызов, и сосредоточенное лицо Ивы в дорогих круглых очках появилось на экране.

Глава седьмая

– Привет, Фло! – заговорила она взволнованно. – Это действительно ты! Как же я рада, что ты очнулась! Как ты?

Я неопределённо пожала плечами:

– По крайней мере, я уже не то бесчувственное бревно, каким, судя по рассказу Алекса, была в течение трёх дней.

– Да твой Алекс чуть с ума не сошёл!.. Больно было слушать, когда он звонил – такой несчастный, такой потерянный... А я как раз собиралась попросить курьера привезти тебе кое-что от меня – смотри, я заказала в «Венецианском ужине» фрукты, мороженое... И ещё рыбу в супермаркете. – Картинка заплясала, послышался стук дверцы морозилки, и перед глазами возникло розовое чешуйчатое тело довольно крупной форели.

«Странное начало», – пронеслось в голове.

Форель исчезла, и на экран вернулось лицо сестры.

– Я проверила все сроки годности, всё в порядке. – Она внезапно спохватилась. – Это всё не то, не то, знаю...

Ива заморгала и начала интенсивно тереть переносицу.

– Тони сообщила, что ты пришла в себя, но я не стала сразу звонить, может, тебе ещё сложно разговаривать...

Взгляд её был потухшим.

– Я и сама никак не могу собраться с мыслями, этот кошмар просто не укладывается в голове! – продолжала она. – Все эти дни я думаю – что же теперь будет? Наверняка Яну посадят в тюрьму. Но если полиции станет известно, что произошло на самом деле, тогда в тюрьму посадят тебя... Я не могу поверить, Фло... Конечно, ты абсолютно безбашенная, все это знают, а я, наверно, лучше всех – сколько твоих грязных тайн похоронено во мне! Но склонность к авантюрам, вечный поиск адреналина – это одно, а убийство – совсем другое! Я никак не могу поверить, что ты могла это сделать...

– Разумеется, не могла! – зло буркнула я. – С какой стати мне это делать?! Похоже, кто-то подставил меня...

Я осеклась. Этим «кем-то» может быть и Ива.

– Но Фло...

– Самое отвратительное то, что я ничего не помню... – добавила я и тут же пожалела о своих словах.

– Совсем ничего? – искренне ужаснулась Ива. – Даже самого убийства?!

– Да какого убийства?! – Я гневно оттолкнула от себя страшное слово. – Как я могу помнить то, чего не совершала?!

Ива молчала. Лицо её было обеспокоенным и напряжённым.

Я тут же зашлась в грудном кашле.

– Да, это выглядит невозможным, Фло. Однако ты, кажется, сделала это.

Сестра казалась очень расстроенной.

Внезапно я ощутила себя мышонком в огромной тёмной коробке, из которой невозможно выбраться. И лишь собственные воспоминания могли бы помочь мне перелезть через её высокую стену, чтобы узнать, что же всё-таки произошло в особняке. Но именно они так некстати провалились за шиворот забытого дня.

Ну хоть что-нибудь возможно вытрясти из этого ботана в юбке?!

– Давай рассказывай о звонке! – приказала я.

Ива шумно втянула ноздрями воздух, как всегда бывало, когда она волновалась, и начала:

– Я уже спала, когда ты позвонила. Хорошо, что я одна в палате, а то ты бы всех перебудила! Сначала это было какое-то невнятное бормотание, и я сразу поняла, что ты пьяна...

– В какой палате, Ива? – перебила я.

– Так я уже неделю валяюсь с холециститом в первой городской... – Сестра переместила камеру вниз, и на экране появились её ноги в открытых тапочках винного цвета. – Плюс ещё палец сломала, – она пошевелила аккуратными пальчиками, один из которых был забинтован. – Навернулась на льду после папиного юбилея. Поэтому приехать к тебе, сама понимаешь, не смогу...

Губы мои превратились в узкие полосочки, я вжимала их в себя, чтобы они не так сильно дрожали.

– О господи... Отец с сердечным приступом, ты с печёнкой и пальцем, я без памяти... Сочувствую, Ива.

– Спасибо, Фло. Да мне уже скоро на выписку. – Сестра вновь явила мне своё печальное лицо в очках.

– Отличная новость, – невесело усмехнулась я. – Ну так что же дальше?

– Потом я начала разбирать отдельные слова. «Я убила человека, – говорила ты и горько плакала. – Я убила его, убила... Я ударила его топором, и вот он лежит передо мной в гостиной. Мне страшно, Ива! Что мне делать, сестрёнка? Он совсем не дышит, я боюсь, Ивушка...» Ты сильно кашляла, вот как сейчас. Я, конечно, не поверила, подумала, что это дурацкая шутка.

– Ничего себе шутка... И почему же я его... ударила?.. – прошептала я едва слышно.

– Картина, – подсказала Ива. – Ты упомянула о какой-то картине. Вроде бы ещё раньше, дня за три до случившегося, вы договаривались, что он тебе её продаст. Ты звонила ему и назначила встречу. На кой чёрт она сдалась тебе, Фло?

– Что за чушь, Ива... – Я стойко держалась, хотя сомнение всё же запустило в душу корявые щупальца. – Какая картина?! Я ни черта не разбираюсь в живописи! Я не знаю ни о какой картине, впервые слышу об этом художнике и никогда не звонила ему... И зачем мне назначать встречу в Щепнёве? Почему не у себя, не у Алекса?

– Это совсем не чушь, Фло, – покачала головой Ива. – Сейчас обвиняют Яну, но если она невиновна, как ты будешь жить с этим грузом, сестрёнка? Вчера звонил следователь, он намеревается навестить меня. Я, разумеется, не собираюсь сдавать тебя полиции, но это же ужасно, милая Фло... Просто ужасно...

Я жала зубы. И она туда же. Не верю!

– Всё не так ужасно, Ива. – Я следила за тем, чтобы голос звучал уверенно и не слишком сильно дрожал. – Отец наверняка уже нанял Яне самого лучшего адвоката, и вот увидишь, она вылезет сухой из воды. Да и ей самой не занимать изворотливости. Это она на первый взгляд такая тихоня, а гляди-ка – сумела окольцевать миллионера. Вот ты так сможешь, а?

Ива молча насупилась.

– Вот то-то же... А адвокат докажет, что этот... как его... Лавровский угрожал Яне, а она, защищаясь, огрела его обухом по башке.

Ива, слабачка, хлопнула носом.

– Отец раздавлен, считает, что она предала его... Путалась с этим художником... Много лет...

– Но, может, так оно и есть! – крикнула я в запальчивости.

Ива вздохнула.

– Не думаю.

Внезапно я заподозрила Иву в сочувствии Яне:

– А почему ты так выгораживаешь эту жа... женщину? Судя по фактам, она действительно с ним путалась!

– Она всё категорически отрицает. И я верю ей, – просто сказала Ива.

– Но я тоже всё категорически отрицаю! А мне ты почему-то не веришь! – распалилась я.
– Тебе в первую очередь, Фло. Но ведь ты ничего не помнишь, а в ту ночь призналась в убийстве. Я слышала всё это собственными ушами. Что прикажешь делать?

Я почувствовала, что близка к обмороку. Комната накренилась, как хлипкая лодка на ветру.

– Прости, Ива, такие потрясения сейчас не для моей психики. Мне нужно принять лекарство и лечь...

– Береги себя, Фло! – напутствовала сестрёнка. – Боюсь, скоро они до тебя доберутся. Они уже вызвали на допрос Ярослава, и если он расскажет о твоём телефоне... А он расскажет. – Она горестно вздохнула. – Поэтому будь начеку и постарайся вспомнить, как всё произошло. Возможно, художник сам напал на тебя.

– Да какого чёрта ему нападать на меня?! – Я уже чуть не плакала от бессилия.

Телефон выпал из руки и шмякнулся о ножку подставки для цветов.

Ива пропала с экрана.

Я подняла телефон и улеглась поперёк кровати. Вспомнила растерянное лицо Алекса. И неожиданно испытала что-то вроде сожаления. Может, зря я так с ним? Он неплохой – добрый, милый...

Но позвонить, чтобы позвать обратно, не поднималась рука. Руки вообще ослабли, будто я перетаскала сорок мешков с углём.

«Не спрашивай любовь, надолго ли она к тебе...»

Тот звонок, семнадцатого... О котором я вспомнила... Я же так и не проверила, кто тогда звонил!

Палец скользнул на входящие.

Вот он. Похоже, тот самый.

Звонок от Алины Батниковой.

Семнадцатого января, в 18.06.

Голос Батниковой смутно возник в памяти, прорываясь сквозь мрак чёрного занавеса. Наверно, Алина звонила из французского бутика, где работает продавцом-консультантом. Чаще всего она звонит именно оттуда в перерыве между покупателями. Алина – моя единственная подруга. Как сказали бы ханжи, она не моего круга, но это никогда не было проблемой ни для одной из нас.

Мне удалось вспомнить только факт звонка, его наличие, но не содержание. Судя по отметке в телефоне, мы разговаривали четыре минуты.

Алина Батникова. 8 910...

Она ответила сразу, будто ждала моего звонка.

– Фло, наконец-то! Как ты себя чувствуешь? Алекс сказал, что ты приболела, и не давал с тобой поговорить. – В голосе подруги слышалась неподдельная тревога.

– Мне немного лучше, – коротко сообщила я. Знает ли она о том, в чём подозревают меня родные? – В последний раз мы с тобой разговаривали семнадцатого... – Надо быть осторожней в словах. – Я запнулась.

– Да! Я и сейчас могу подтвердить, что видела её собственными глазами. Меня, естественно, никуда не вызывали, но если бы Яна вдруг решила призвать меня в свидетели, я сказала бы то же, что и тебе: часов в шесть твоя мачеха... кхм... Ну, Яна... зашла в наш бутик и двинула напрямик к моей витрине. Помада ей, видите ли, понадобилась, из последней коллекции. Я начала предлагать разные нюдовые тона, и где-то на третьем пробнике ей позвонили. Я как раз откручивала крышечку и всё прекрасно слышала! Она сказала, слово в слово: «Филиппа не будет несколько дней, так что могу приехать хоть на всю ночь!» Хех... А потом схватила первую попавшуюся помаду, быстро расплатилась и заковыляла на каблучках к выходу. Я видела, как она уселась в свою тачку, и хвост её модного пуховичка исчез в салоне

так быстро, будто его турбиной туда всосало. Я сначала не хотела тебе говорить, но ты же мне родная... А теперь вон как всё обернулось! Кошмар! Я как подумаю, что...

– Да-да... – перебила я медленно.

– Выходит, она не собиралась ночевать дома! Как ты считаешь, стоит пойти в полицию?

– Знаешь, я... плохо помню наш разговор,

[если честно, то вообще его не помню]

я неважно себя чувствовала в тот вечер. Всё как в тумане... – призналась я.

– Это от высокой температуры, – посочувствовала Алина. – А сейчас нет температуры, надеюсь?

– Нет, сейчас всё в порядке. А голос у меня был... нормальный? – уточнила я, стараясь увести внимание собеседницы в сторону.

– Конечно, нормальный, только простуженный, – слегка удивилась Алина. – Ты сильно кашляла.

– Это была я... – пробормотала я еле слышно.

Алина звонко рассмеялась:

– Ну ты даёшь, подруга! Ты, конечно, кто же ещё? Да ты Янку жабкой назвала – так ведь только мы между собой её называем...

Верно. Это наше с Алинкой прозвище, о котором не знает никто из сестёр.

– А что я ещё сказала? – Я цеплялась за Алину, как изнемогающий Тесей за путеводную нить Ариадны. Возможно, она поведаёт о моих планах на ту ночь?

Может быть, я собиралась в Щепнёво?..

– Ничего. Сказала, что Янка жабка, и всё.

– Ясно.

Я разочарованно нажала на отбой.

Звонок Алины явственно намекал, что Яны не должно было быть той ночью в особняке «Сорока». Она собиралась провести её в другом месте.

«В другом месте» – буквально означает «алиби».

То, что у Яны очертились контуры алиби, мне не понравилось.

Но ведь очевидцы (соседка, курьер) утверждают обратное!

Значит, она передумала и всё-таки вернулась домой?..

«Не спрашивай любовь...» – пропел телефон, и я пугливо дёрнулась.

– «Венецианский ужин», доставка, откройте, пожалуйста, калиточку, – произнёс незнакомый мужской голос.

– Оставьте на крыльце, – попросила я, нажав на кнопку домофона.

Весь вечер я ничком лежала на кровати. Я стучалась в свою память, как в глухую чёрную дверь, взмывающую до самого неба. Но она осталась неумолима.

Глава восьмая

Утром, когда я впихивала в себя полезный, но жутко невкусный творог, запивая не менее полезным и отвратительным зелёным чаем, в дверь позвонили.

В глазке отражался молодой мужчина в чёрной спортивной куртке с капюшоном.

– Кто? – подала я голос из-за двери.

– Врач, – громко заявил он.

Я вспомнила, что по утрам у меня капельницы. Так вот кто контролирует моё драгоценное здоровье!

Я распахнула дверь, мужчина шагнул в прихожую, и от него повеяло свежим морозным воздухом. Он был крепким и плечистым, а из-под брендовой трикотажной шапочки выбивались кончики тёмных волос. Врач стянул шапочку, и волосы густой волной рассыпались до плеч.

«Принц», – насмешливо подумала я, провожая его в комнату.

– Слава богу, вы пришли в себя, – радовался красавец, готовя капельницу. – Ваш муж безумно переживал! Но я сразу сказал, что всё обойдётся. Как самочувствие? – Он отработанным жестом встряхнул шприц.

– Есть кашель и небольшая слабость, – сообщила я, разглядывая его точёный профиль. – А так ничего.

– Вот и чудненько... Ложитесь и освободите локоть. Накройтесь простынкой. – Он оторвал взгляд от шприца, приветливо улыбнулся, и его щёки залил лёгкий румянец.

Я послушно улеглась на кровать и спустя мгновение почувствовала, как в вену вошла тонкая игла. Принц наклонился надо мной, и лица коснулось свежее дыхание, смешанное с тонким парфюмом.

Аромат пробудил что-то внутри. Галерея памяти качнулась...

– Я помню вас... – медленно проговорила я, рассматривая его тёмные дугообразные брови и задумчивые серые глаза. – Это вы приходили вечером шестнадцатого. Вы прописали мне таблетки от кашля, антибиотики и этот... как его... альбетокс.

– Желудочное средство обязательно надо принимать. – Врач быстрым движением выбросил упаковку от шприца в пластиковый пакетик и убрал прядь волос с моей щеки.

– Как вас... – Он слегка запнулся. – Фиона?..

– Флора.

– Красивое имя! – Молодчик, как породистый конь, тряхнул блестящей гривкой, и я невольно представила его на рекламном баннере рядом с собой. Яркий летний полдень, мы кружимся на карусели, щуримся от солнца и хохочем. Он в докторском колпаке и халате, а я в игривом топе и юбочке с воланом. Мои шёлковые волосы разлетаются по ветру. А внизу, под этим счастливым фото, крупная подпись: «Поликлиника номер восемь. Мы возвращаем здоровье!»

– А вас как зовут? – поинтересовалась я в свою очередь.

Врач солнечно улыбнулся, точь-в-точь как на придуманном фото:

– Роман Владимирович. Можно просто Роман. – На вид ему было около тридцати двух – тридцати трёх лет. Возраст между Романом и Романом Владимировичем.

Немного помявшись, он негромко заговорил:

– Скажите, Флора... Вы ведь уже взрослая девушка. Ваш отец известный на всю страну профессор. Как вы могли, принимая серьёзные лекарства, употреблять спиртное?! И, судя по всему, не одну и не две рюмки... Хорошо ещё, что Алексей вовремя вызвал скорую! Дело могло кончиться намного хуже!

Постоянные упоминания об Алексее начали меня раздражать. К тому же заботливая речь принца содержала завуалированный намёк на мою глупость.

– Роман Владимирович... Роман... – Снова всплыла тревога, точно лезвием вспорола хрупкое успокоение. Этот антидепрессант, найденный в моей крови... – Но разве вы выписали серьёзные лекарства? Вполне обычные...

– Флора, не пытайтесь юлить, – терпеливо произнёс врач. – Алексей показал мне заключение эксперта, где указано, что в вашей крови обнаружен тимидолин. О нём я и говорю.

Я пристально посмотрела в глаза врачу:

– Понимаете, доктор, в этом есть что-то... странное. Я никогда не употребляла тимидолин. Не представляю, как он мог оказаться у меня в крови! Алексей иногда принимает его. Весной у него был нервный срыв и...

– Алексей? – насторожился Роман. – То есть вы считаете, что ваш муж пытался вас отравить?

– Да вы что?! – искренне возмутилась я. – Скажете тоже! Я имела в виду, что это лекарство есть у нас в аптечке.

– Кто знает... – неопределённо пожал плечами Роман. – Может быть, вам лучше обратиться в полицию?

«В полицию? – Я усмехнулась про себя. – Да мой Алекс – пугливый мышонок, который боится прищемить свой хвостик. Отравить меня?! Да он пылинки с меня сдувает...»

– Нет-нет... – вновь мотнула я головой на подушке с батистовой наволочкой цвета мокко. – Видимо, я выпила эту таблетку случайно... Перепутала.

Роман неожиданно взорвался.

– Случайно?! Как вы могли случайно перепутать совершенно разные таблетки? Вам же не семьдесят лет! К тому же вы дочка профессора! Не верю, просто не верю! – Он развёл в стороны рельефные, будто выточенные скульптором руки.

Я не стала говорить молодому врачу об атмосфере, царившей в нашей семье.

– Мне уже значительно лучше, – произнесла я сдержанно. – А на будущее я учту ваши замечания.

Принц уловил перемену моего настроения и замолк. Минут десять мы провели в тишине. Наконец я снова её нарушила:

– Лучше расскажите, насколько серьёзным может быть мозговое поражение. Дело в том, что я не могу вспомнить... кое-каких подробностей семнадцатого января. А это очень важно. Какова вероятность, что память восстановится?

– Судя по тому, что вам уже значительно лучше, все показатели должны довольно скоро прийти в норму. Я очень надеюсь, что обойдётся без последствий.

– Без последствий? – Я с сомнением уставилась на Романа.

– Скажем так, без далеко идущих, – слегка поправился он. – Некоторых деталей вы можете и не вспомнить, но в целом вашей памяти ничто не угрожает.

Надо сказать, он не слишком обрадовал меня своим оптимистичным заявлением.

Мы помолчали. Я рассуждала о том, когда могла выпить тимидолин.

– А мне уже можно выходить на улицу?

– Вообще-то нежелательно, – тут же отозвался Роман Владимирович, до этого рассеянно смотрящий в окно. – Гораздо полезней для вас ещё неделю соблюдать постельный режим. Если нужна справка для института, я её выпишу. Наша клиника имеет государственную аккредитацию.

– Так вы не из восьмой поликлиники? – удивилась я.

– Нет, я из платной клиники «Чудесный доктор». Это самая лучшая клиника в городе. – В тоне Романа прозвучала горделивая нотка. – Алексей обратился к нам, и я считаю, что он сделал правильный выбор.

– Безусловно, – скучаяще кивнула я.

– Кстати, вот вам визиточка...

Он сунул в мою свободную руку визитку. «Врач-терапевт Татьянин Роман Владимирович». Номер телефона. И фото – Голливуд отдыхает.

Рекламный баннер в моём воображении тут же сменил подпись: «Роман Татьянин. Чудесный доктор творит чудеса! Флора Веденева. Воскрешение из мёртвых!»

– Ну хорошо, выпишите справку, – разрешила я.

На недоверчивый взгляд Романа Владимировича я поспешно добавила:

– Торжественно обещаю соблюдать постельный режим!

Он кивнул, ловко извлёк из портфеля бланк справки, заполнил его и поставил печать.

Потом вернулся ко мне и аккуратно вынул из вены иглу.

– Выздоровливайте, Флора! – Моё имя в его устах прозвучало чуть нежнее, чем следовало.

Мягкие ресницы дрогнули и на мгновение вызвали горячий отклик в моём холодном сердце.

– Ещё пара капельниц, и будет достаточно. Не стоит пичкать вас лекарствами... – заботливо подчеркнул он. – Теперь самое главное – покой и витамины.

– Вам виднее.

Врач едва заметно засуетился, собирая медикаменты, захлопнул портфель, прищемив какой-то лист. Потом быстрым шагом прошёл в коридор, снял с вешалки куртку и начал просовывать руки в рукава. В правый попал не сразу.

Я, в маечке и коротких домашних шортиках, вышла вслед за ним в прихожую.

– Спасибо вам большое, – вежливо поблагодарила, открывая входную дверь.

Неужели нет?!

Когда я уже надеялась, что Роман не пойдёт по стопам большинства, он вдруг взял и всё испортил.

– Берегите себя, Флора! Такую красоту нужно беречь как хрупкую хрустальную вазу. – Он слегка коснулся моей руки, и в серых глазах вспыхнул знакомый огонёк вожеления.

В тот же миг всё очарование как рукой сняло – передо мной был уже не принц, а обычный мужской экземпляр из гарцующего табуна поклонников.

– Спасибо за заботу, Роман! – произнесла я, равнодушно отстранившись. Во мне сам собой включился режим ледяной неприступности.

В красивых глазах врача мелькнула тень надежды.

– Скажите, не могли бы мы как-нибудь вместе выпить кофе? Отметить ваше выздоровление?

Я изобразила простушку:

– Вы имеете в виду, вместе со мной и моим мужем?

Мне нравилось наблюдать за тем, как надежду сменяет растерянность.

– Да, конечно, – пробормотал Роман. – Конечно. – Обжигающий взгляд пробежал по моему полуголому телу.

– Мне холодно, – заметила я.

– Ах да... – спохватился врач. – Уже уйду.

Я одарила его пленительной улыбкой.

– Вы обещали мне постельный режим! – сдержанно напомнил он, натягивая шапочку на атласные волосы и неловко переминаясь с ноги на ногу.

– И ни за что его не нарушу. Всего доброго!

Красавец ещё немного потоптался на пороге, но больше ничего добавить не решился.

– Всего доброго, Флора! – наконец проговорил он.

«Гуляй, Рома, – жёстко подумала я. – Не обломится тебе кусочек Флоры».

Едва за черноволосым врачевателем закрылась дверь, как на столике пронзительно затрепещал телефон.

Глава девятая

– Здравствуйте! – бодро застрекотал оттуда звонкий девичий голосок. Могу я поговорить с Флорой Веденеевой?

– Я слушаю.

– Флора? – обрадовалась собеседница. – Вас беспокоит Мария Кострикова из журнала «Дамские штучки». Нам предложило вас агентство «Фредерика», и вы нам подходите.

Надо же, какая честь.

– Нужно сделать фотосессию на тему «Зима». Презентовать новую коллекцию Веры Судоргиной – шапочки, шарфики, курточки.

– Я сейчас немного не в форме, – предупредила я. – Возможно, вам стоит обратиться к кому-нибудь другому.

– Ой... – растерялась Мария. – Но наш менеджер по рекламе видит в качестве модели только вас! – Голос взлетел до детского жалобного крика. – Это займёт у вас не больше часа! Мы пришлём машину... Пожалуйста, Флора! Я договорюсь о двойной оплате, но только чтобы это были вы!

Я взглянула на часы. Одиннадцать.

– М-м...

– Коллекция Веры Судоргиной – яркая, супермодная, с учётом молодёжных трендов сезона... – захныкала Мария.

– Не сомневаюсь, – перебила я её. – Ладно, я приеду.

[только не ной]

– Машина не нужна, я на своей. Называйте время и адрес.

– Площадь Резанова, у памятника, в два пятнадцать...

Мария залопотала что-то благодарственное, но я, не дослушав, нажала на кнопку отключения.

Около двух часов я вышла из коттеджа, замечая, что быстрый шаг даётся с трудом, а яркий солнечный свет непривычно ранит глаза. Пошла медленнее, осторожнее, невольно озираясь вокруг.

«Сдаётся дом с частичными удобствами в деревне Ярцево. 45 кв. м., вода, дровяная печь, туалет на улице...» – попало на глаза объявление на знакомом столбе у забора.

Господи, а ведь существуют люди, которые снимут эту собачью конуру...

Что-то мешало идти по жизни как раньше – смеясь в глаза и никому не открывая своей боли. Что-то мешало быть такой, как раньше. Чувствовать себя независимой и свободной. Болезненная заноза поселилась в сердце, а само сердце словно спряталось глубже под рёбра, ожидая то ли острого лезвия ножа, то ли выстрела...

«Вариантов только два, – размышляла я, пробираясь к «смарту», утопающему в сугробе, – звонила либо я, либо нет. И убила тоже либо я, либо нет... Трудно сказать, что страшнее. Если я способна напиться до чёртиков и в ярости убить незнакомого человека, а потом напрочь забыть об этом, то это тревожно. Мягко сказано.

А если не я...

Значит, одна из сестёр – Ива, Антония или Вероника – подстроила ту ночь.

Ива, Антония или Вероника убила Лавровского, а потом позвонила с моего телефона и от моего имени призналась в убийстве!

Других объяснений странным ночным звонкам не существует».

Тёмная фигура скользнула за угол – плавная, быстрая, бесшумная. Промельк-штрих серебристого пятна. Слишком стремительно для глаз, слишком поверхностно для точного ощущения. Резкий поворот головы – и...

Никого нет. Лишь сонная, стеклянная пустота улицы.

Обжигающим вихрем поднялось волнение. Здесь кто-то был. Стоял, ждал, следил... И исчез за углом, желая остаться незамеченным...

Бродя взглядом между стволами редких деревьев, боясь сама не зная чего, я уселась в «смарт», завела мотор. Вытерла пот со лба и ладоней. Ещё раз выглянула в окно.

И опять никого.

Под правой ногой белело что-то маленькое и прямоугольное. Подняв невесть откуда взявшуюся вещицу с пола, я обнаружила, что это визитка – яркая, какая-то нарядненькая, беленькая с зелёной окаёмкой.

«Ремонт компьютеров и ноутбуков. Мы работаем на Карла Маркса!» Витиеватый шрифт, фото Карла Маркса, поглядывающего строго и по-хозяйски, и адрес – ул. Карла Маркса, 191.

Откуда она здесь? Я никогда не обращалась по поводу ремонта компа или ноута... Может, выпала из кармана Алекса?.. Он ведь иногда брал мой «смарт»... Странно.

В задумчивости изучив визитку, я наконец сунула её в перчаточный ящик.

Аккуратно вырвав на узкую пустынную дорогу, медленно поехала по ней, оглядываясь по сторонам. Тихая улочка, на которой располагался мой двухэтажный коттедж, была абсолютно пуста. Безмолвие и безветрие превратили застывший зимний пейзаж в красивую живую открытку. Серебристая тень бесследно растворилась в морозном воздухе. Или это было видение?.. Тонкая, горячая струйка страха влилась в остывшие вены.

Подъехав к повороту на Переяславское шоссе, я свернула на обочину и погуглила левой рукой «художник Андрей Лавровский, Старицк». Вездесущий интернет мгновенно выдал скудную справку. «Андрей Георгиевич Лавровский, пятьдесят четыре года, член Союза художников России». И фото – добродушное лицо, мягкие, но мужественные черты, густые волосы с лёгкой проседью, тёплые карие глаза. Выражение лица как у всезнающего мудреца. Наверно, он хороший художник... Я редко ошибаюсь в таких вещах. Внезапно что-то знакомое почувствовалось в его спокойном взгляде. Незнакомый человек... Моя недавняя уверенность поколебалась. Это лицо я определённо уже видела... Но где и когда?..

Проклятая память! Что же за фокусы она устраивает?!

Бросив телефон на соседнее сиденье, я повернула на шоссе. Надо быть осторожнее.

Глаза Лавровского источали мягкий свет и душевную открытость. Хм, не удивлюсь, если Яна и впрямь была в него влюблена. Похоже, он полная противоположность моему отцу – угрюмому, как ноябрьское небо, и тяжёлому, как камень на шее.

...Нет, я никак не могла убить этого художника. Никогда! Даже ради картины как его... Бенедетти. И правда, на кой чёрт она мне сдалась?!

Поищи её у себя... – Воспоминание о надменном взгляде Тони царапнуло по нервам.

Надо и впрямь поискать, а то вместо меня её поищет полиция...

Я прибавила скорости, и вскоре показалась площадь Резанова. Возле памятника Резанову и Кончите, съёжившись от холода, топталась шуплая девушка в зелёном болоньевом пальто. Рядом примостился бородатый мужик с фотокамерой. Похоже, горячий парень – в минус пятнадцать без головного убора, модная фирменная куртка расстёгнута на груди.

Парочка по мою душу.

Я успела не раз пожалеть об этой уступке. На огромной площади Резанова, как в чистом поле, неожиданно подул пронизывающий ветер. Меня всё ещё слегка знобило, а фотограф оказался въедливым и дотошным.

– Встаньте поровнее, Флора. Повернитесь левым профилем. А теперь правым... Пожалуй, лучше левым! Коснитесь ладонью козырька... Чуть выше... Чуть ниже... И застыньте в этой позе, я возьму простор. А теперь мне нужна улыбка! Нет, не такая лёгкая. Чуть шире, пожалуйста! Нет, это уже чересчур! Улыбка должна быть наивной, детской, источать беззаботность и радость!

Скрепя сердце, я наконец источила нужную степень беззаботности, и фотограф, запахнув куртку, удовлетворённо кивнул.

– Отлично! То что надо! Благодарю вас, Флора!

Израсходовав не менее двухсот кадров для получения четырёх конечных фотографий для следующего номера «Дамских штучек», дяденька значительно понизил мою самооценку. Впрочем, результатом он остался доволен, отпустил меня с миром, и я, коченея от холода, прыгнула в «смарт».

И опять мне показалось, что чья-то неслышная серебристо-серая тень мелькнула за памятником графу Резанову и его возлюбленной. Через секунду оттуда выехала тёмно-красная «ауди» и стрелой промчалась мимо. Разглядеть того, кто сидел за рулём, я не успела.

Уже смеркалось, когда я подъехала к своему коттеджу на улице Трёх Деревянных Королей. По краям узкой подъездной дороги зажглись фигурные фонари. Их бледное сияние оттеняло сгущающуюся синеву неба, и голубоватые тени ложились на снег, придавая улочке таинственность и сказочность.

На пороге коттеджа маячила небольшая кругленькая фигурка. Не составляло особого труда опознать в ней младшую сестру. В своём мягком каракулевом полушубке Ника выглядела смешным колобком. В ожидании меня она с озабоченным видом бродила туда-сюда.

– Алекс и сёстры мне кое-что рассказали, – без приветствия крикнула она, завидев меня на тропинке. – Я всё знаю.

– Похоже, все всё знают, кроме меня самой, – сухо произнесла я, подходя к ней. – Добрый вечер, милая.

– Привет, Фло.

Я окинула Нику напряжённым взглядом. Румяные щёчки, покрасневшая от мороза кнопка носика, пухлый бантик губ. И непривычно серьёзные глаза.

– У тебя что-то важное? Может быть, зайдёшь? – не слишком вежливо поинтересовалась я и начала отпирать замок.

Ива, Антония или Вероника.

Ника не двинулась с места.

– Я приехала, потому что хотела сказать тебе это в лицо, а не по телефону. Да и вообще, ты знаешь, как я отношусь к телефону и соцсетям... Всё это дьявольщина!

Да, знаю – звонить Ника терпеть не может, а в единственной соцсети из всех существующих она записана как Королева Бурь. На аватарке высится бушующий фонтан, и отвечает хозяйка этой экзотической страницы только на вопросы желающих узнать свою судьбу – коротко и по делу.

– Что «это»? – Против воли холодок пробежал по моему позвоночнику.

– Ты не могла его убить, Фло!

– Разумеется, не могла! – процедила я, толкая дверь. – Зачем мне убивать его?

В это мгновение лицо Лавровского встало передо мной – мудрое и печальное.

– Я даже не знаю его! – резко взвилась я, отмахиваясь от странной мысли, что это не так.

– Ты не поняла, Фло, – Ника приблизилась ко мне вплотную и проговорила почти шёпотом:

– Ты не ездила в Щепнёво в тот вечер.

Глава десятая

Я отпрянула от двери.

– Что за чёрт... Проходи в дом, Ника!

И в тот же миг нога соскользнула с обледенелого порога, и я покатила по скользким ступеням. Младшая сестра кинулась на помощь, но я сшибла её, и мы в обнимку шлёпнулись в мягкий сугроб. Из Никиной маленькой ладошки вырвался пакет, и оттуда, как из мешка Деда Мороза, солнечной жёлтой россыпью выкатились лимоны.

– Яффские лимоны... – словно извиняясь, пояснила ведунья и начала ползать по снегу, как неповоротливый ёжик, собирая их обратно в пакет. Я поползла за ней и, догнав, схватила за рукав полушубка. Ника замерла с лимоном в пухлой ручке.

– Откуда ты знаешь, что я не ездила в Щепнёво?! Откуда ты можешь знать это, Вероника?

Она подняла на меня глаза. Обычно смешливые, сейчас они были полны неподдельной тревоги.

– За несколько дней до убийства я видела вещий сон. Как будто...

Мне стоило огромного труда не скривиться от этих слов.

– Умоляю тебя, Ника, избавь меня от вещих снов и говори по сути!

– Я так и думала, что ты не поверишь, – огорчилась Ника. – Ну хорошо... Я знаю это потому, что вечером семнадцатого января мы обе были здесь, Фло. Здесь, у тебя дома. Ты лежала с температурой. Неужели ты совсем ничего не помнишь?! Тони сказала, что ты звонила ей ночью из Щепнёва. Будто бы призналась в убийстве того мужчины. Но это невозможно! Ты не могла этого сделать, потому что мы с тобой были здесь!

– Та-ак... А кто ещё в курсе?.. – Я вцепилась в неожиданную добрую вестницу крепче.

– Кто ещё? Гм... – призадумалась Ника. – А-а! Часов в девять приходила соседка, такая седая, в платке, и попросила муку. Ты поискала, но не нашла, и так и ответила ей: муки нет.

– Ты серьёзно?!

Ника кивнула. Бровки упрямо нахмурились.

– Конечно.

Так, похоже, над моей головой тоже золотистым ореолом засияло алиби.

– Я приехала к тебе в четверть седьмого, – зачастила сестра. – Ты лежала с температурой и жутко кашляла. И я весь вечер пробыла с тобой. Если мне не изменяет память, почти до полуночи. А Тони с Ивой утверждают, что ты звонила им в двадцать два с чем-то. Но в это время ты была здесь, со мной, понимаешь?! Ты никуда не выходила. Ты не могла никуда поехать, никого убить и ниоткуда звонить! Мне тоже поступил звонок с твоего номера... Правда, заметила я его только утром – телефон валялся дома. Но это никак не могла быть ты, Фло!

В моём горле внезапно разразился пожар. Он взвился вверх, обдал щёки и уши.

– Ты очень выручила меня, Ника, – проговорила я пересыхающим от волнения языком. – И в тот вечер, и сейчас. У меня прямо камень с плеч упал! Только, прости... Это точно не сон? Ты иногда путаешь реальность с вымыслом...

Ника поспешно отвела взгляд в сторону, но тут же вновь взглянула на меня честными глазами и торопливо произнесла:

– Конечно нет, Фло. Это чистая правда!

Мне показалось, что в голосе сестры звякнула неискренняя нотка, но я отогнала это ощущение. Слишком хотелось верить её исцеляющим словам.

Освобождённые, будто вырвавшиеся из плена, радость, лёгкость и свобода заплескались во мне, от макушки до пяток, и при виде смешной Вероники с замёрзшей покрасневшей пипкой нахлынула невообразимая нежность к источнику этой возрождённой лёгкости. Благодарность за исцеление была столь сильна, что подспудное чувство вины перед нею, далёкое, запер-

тое глубоко-глубоко внутри, вместе с другими чувствами выпорхнуло наружу. И я поняла свою неосторожность лишь тогда, когда нежно коснулась маленького шрамика за её левым ухом. Я слишком хорошо помнила, где он находится.

Ника дёрнулась как от тока и задрожала. На её лице отразился ужас.

– Прости... – пролепетала я.

Она быстро-быстро заморгала и задыхалась часто и неровно, как будто ей не хватало дыхания.

– Прости... О господи... Простишь ли ты меня когда-нибудь?! – крикнула я в отчаянии.

– Мне пора, – внезапно заторопилась Ника, не ответив и пряча шрам глубоко под клетчатый шарф. – Я побегу.

Что-то нарушилось в этом дне. Злая тень прошлого рассекла его, отшвырнув нас, таких радостных и близких мгновение назад, по разные его стороны. Я осталась здесь, на скользком пороге коттеджа, а бедняжка Ника невольно снова окунулась в тот давно минувший кошмар, всерьёз надломивший её психику.

Надо же, как надолго осталась та история в подсознании младшей сестры, если даже лёгкое прикосновение к шраму превращает её в запуганного ребёнка...

– Спасибо... – глухо пробормотала я.

Маленький милый колобок в полушубке вздрогнул и, не произнеся ни слова, покатился к калитке, а я смотрела, как Ника открывает дверь и по узкой тропинке переступает короткими шажочками дальше, к своему «ниссану».

Шероховатость глубокого подковообразного шрамика всё ещё чувствовалась на кончиках моих пальцев.

Машина Ники медленно развернулась, выбралась с обочины на дорогу, и оттаявшие мысли поплыли в голове.

Значит, семнадцатого я находилась дома, как минимум с восемнадцати ноль шести (звонок Батниковой) до полуночи.

С пятнадцати минут седьмого Ника была со мной.

Ива со своим вечно обостряющимся холециститом уже неделю лежит в больнице.

Тони только позавчера прилетела из Франции...

Но кто же тогда звонил с моего телефона в десять часов ночи из Щепнёва?..

А как определить, что звонок был именно из Щепнёва?.. Ведь это известно только со слов звонившей, той, что выдавала себя за меня...

Поднявшись на второй этаж, я медленно распечатала новую пачку Mellory, вытянула длинную сигарету, привычным движением сунула её в рот и закурила.

Значит, я весь вечер была дома и никуда не отлучалась. Но как в таком случае быть с убедительным рассказом Алекса, который якобы нашёл меня в сугробе с кровью на щеке? И которому я якобы сообщила, что убила мужчину в Щепнёве?..

Что-то сверкнуло в глаза. Отблеск фары...

Бегло взглянув на дорогу, я заметила след за «ниссаном-жуком» Ники исчезающую на повороте длинную тёмно-красную машину. Очень напоминающую «ауди».

Глава одиннадцатая

Второй день я лежу в постели с градусником под мышкой. Лоб горит. Вчера температура снова подскочила, и пришлось заправиться лекарствами по самые уши. Какого чёрта я потащила на эту дурацкую фотосессию шапочек Веры Судоргиной?.. Я вздыхаю. Причина проста – деньги скоро закончатся. Тони права: я не умею жить по средствам. Не умею бережно копить, как Ива, довольствоваться малым, как Ника, и зарабатывать много, как сама Тони. Деньги текут у меня сквозь пальцы, я люблю жить широко и весело и никогда не имею ни гроша за душой. А отцу, лежащему с сердечным приступом, не до того, чтобы перечислить мне полагающуюся ежемесячную сумму. И Алекс с его немаленькими доходами не вовремя отправлен восвояси...

Внутренне чертыхаясь, я в очередной раз решаю откладывать с каждого отцовского перечисления, в глубине души понимая, что вряд ли это получится.

Короткая норковая шубка с оторванной петлёй валяется у кровати. Чуть подальше лежат комом джинсы, джемпер, маечка, лифчик и запутанные в колготках трусы. В кресле торчит вверх дном красная кожаная сумка, а вокруг неё раскиданы вывалившиеся предметы туалета: зеркальце, помада и щипчики для бровей. Алекса нет, и некому сделать мне замечание и разложить всё по местам.

Этот причудливый женский натюрморт радует мой глаз со вчерашнего вечера. Зайдя в дом, я неистово стянула с себя всю мокрую после ползания по сугробам одежду, побросала вокруг и прыгнула в тёплую постель, где уселась голышом, накрывшись одеялом до пупа, и включила Ютуб с запросом «Дело Лавровского».

Ничего нового Ютуб не предложил, но интуитивно я чувствовала, что дело не стоит на месте, оно движется, полнится, как океан, который скоро вышвырнет на берег Яну и схватит в свои сжимающие объятия меня. Смятение плавилось в душе – тёмное, мутное и горячее. Жар дурного предчувствия опалял тело, стучал в висках – предчувствия, что очень скоро следователь раскопает информацию о странных звонках из особняка и доберётся до моей пока ещё невидимой в этом деле персоны. Поверит ли он Нике?.. Поверит ли соседке – не помню, как зовут эту полусумасшедшую бабку, попросившую в девять вечера горсть муки – матери ни много ни мало миллионера Ломова, соседа справа?..

Интуиция никогда меня не подводила – ближе к ночи в Ватсапе объявилась Ива, сообщив, что днём к ней в больницу приходил следователь по поводу звонка, поступившего в десять часов вечера с места преступления. Ива уверяла меня, что отказалась давать на этот счёт какие-либо пояснения. Но это не означало, что точно так же поступит Тони.

Следователь был зол, потому что свидетели все как один заболели или находятся бог весть где – и не могут явиться на допрос лично.

Заснула я с огромным трудом.

Сейчас уже вечер следующего дня. Температура спала, утром меня навестил Роман и сделал очередную капельницу. Врач выглядел осунувшимся и почти не разговаривал. Похоже, что-то тревожит его душеньку.

Полдня я курила и, как ни странно, думала о нём. Терпкий аромат его парфюма бродил по прихожей, память вновь и вновь выдавала точёные руки, выбивающиеся из-под спортивной шапки волосы, взгляд, в котором плескалась неуголённая страсть... Он пытался удержать её внутри, не отпустить, не показать. Силой воли гасил искры в глазах, отводил взгляд и... молчал.

Попрощался весело, а боль, как змея, вышмыгнула из-под его неестественного смеха. Захотелось задержать, обнять... Чёрт знает что такое!

Однако я осталась на месте с каменным выражением лица. Кивнула – едва заметно и закрыла за ним дверь. Замок щёлкнул громко и страшно – как в преисподней.

Сейчас я снова смотрю криминальные новости, сидя на кровати под тёплым одеялом. Держу на коленях поднос с бульоном, заказанным в ресторане «Венецианский ужин», и без особого аппетита ковыряю в нём ложкой.

На экране телевизора появляется лицо Яны, и я ядовито усмехаюсь. Что-то новенькое. Яна – заносчивая и самоуверенная особа, и мне доставляет нескрываемое удовольствие впервые наблюдать её растерянной и жалкой.

... Душной волной накатывает воспоминание. Нет, не впервые. Однажды я уже всё это видела – опущенные плечи, бегающие глаза, неуверенный взгляд... Где же это было? И когда?

Стоп-кадр, выскочивший из памяти, на мгновение застывает и тут же рассыпается в прах.

– Я не виновата! – выговаривает Яна, сдавленным голосом. – Найдите настоящего убийцу!

И она смотрит прямо на меня.

Я тоже смотрю на неё. Мы проваливаемся друг в друга, глаза в глаза, будто пытаюсь проникнуть в зловещие тайны, что скрывает каждая из нас.

Её там видели, а меня – нет. Она знакома с Лавровским, а я – нет! – пульсирует в моём мозгу.

– Найдите настоящего убийцу... – повторяет Яна, и по моей полубожажённой, прижатой к подушке спине пробегает дрожь.

«Ведь настоящая убийца – ты!»

– Меня видела соседка, – шепчу я, глядя в потухшие глаза Яны. – Я весь вечер не выходила из дома! И Вероника это подтвердит!

Но что-то чёрное, острое скребёт, скребёт по стенкам сердца...

«В деле убийства художника Лавровского появились свежие новости, – бодро отчеканила девушка в синей кофточке. – Обнаружен свидетель, утверждающий, что в ночь совершения преступления у Яны Веденеевой была назначена встреча в другом месте, и её не могло быть в особняке «Сорока». Данные проверяются...»

Итак, Батникова посетила полицию.

Образ Романа Татьянина выскользнул из воображения, и на его месте возник образ Алины Батниковой – она весело улыбается и подмигивает мне, как всегда при встрече. И я улыбаюсь, делая вид, что очень рада тому, что благодаря моей лучшей подруге Яна вот-вот ускользнет из цепких лап правосудия и я автоматически окажусь следующим по очереди кандидатом на вакантное место убийцы.

Я стряхнула видение улыбающейся Батниковой, а вместе с ним – ощущение, что к горлу приближаются невидимые кровожадные пальцы.

Взгляд невольно упал на угол шкафа, на дверцу, за которой стоял чемодан.

Я отставила пустую тарелку в сторону и медленно сползла с кровати.

В голове царил хаос.

Надо на всякий случай поискать её.

«Поищи её у себя», – заявила Тони так безапелляционно, словно могла ткнуть пальцем в то место, где она лежит.

Я как следует порылась в шкафу, в столе и тумбе, я облазила антресоли и наконец, вновь почувствовав слабость, села на пол и завернулась в норковую шубу.

Картины нигде не нашлось.

Вечер продолжился неожиданно – и больно ударил в висок трезвоном мобильного.

Я бегло глянула в зеркало шкафа. Бледная, точно русалка в полнолуние. А волосы торчком, как у огородного пугала.

– Веденеева Флора Филипповна?

«Флора Филипповна» сразу превратило меня в подслеповатую старушку, вяжущую у печки носки многочисленным внукам.

– Да. – «Да» получилось вымученным, пришибленным, полумёртвым.

– Вас беспокоит следователь Мокроусов Эдуард Васильевич.

Я пригладила волосы, улыбнулась отражению. Так уже получше!

Кто?!. Следователь?!.

Ну вот и началось.

В моих глазах отразился ужас. Воздух застрял на середине пути в лёгкие и дальше пошёл рывками. Я резко отвернулась от зеркала.

– Я хотел бы побеседовать с вами по поводу дела Лавровского, – слышалось из трубки.

– Лавровского? – вымолвила я пересохшими губами.

– Именно. Полагаю, вы в курсе произошедшего?

– Некоторым образом... – пролепетала я.

– Очень хорошо. Завтра в час будет удобно? Седьмое отделение полиции, кабинет 226.

Или повесточкой вызвать?

– Не надо повесточкой... Я больна, у меня температура и справка. – Фраза получилась забавной, как будто справка – это тоже симптом моей болезни.

– В таком случае я навещу вас через полчаса. Ожидайте, – вздохнув, заключил Мокроусов.

Выпугавшись из шубы, я вернулась в кровать. С минуту просидела в каком-то оцепенении, потом опомнилась и начала судорожно листать телефон. Не обнаружится ли ещё сюрпризов?..

Страницы экрана бешено завертелись.

Телефон жёг пальцы, выskalзывал увёртливой рыбкой.

16 января, 15 января...

Боже, как много вызовов... Однокурсники, приятели... Ещё чёрт знает кто... Я даже никогда не задумывалась, сколько пустых звонков совершаю.

14 января.

Батникова, Катенина, агентство «Фредерика», Огурцов...

Алекс

8 905 373...

8 915 606...

Спортклуб «Гагара»

Ателье «Декольте»

Ресторан «Венецианский ужин», заказ на дом

Батникова

Резова

Толя Горлов

И – ох-х-х! – палец впечатался в звучную фамилию, невесть кем вписанную в телефон...

Исходящий вызов.

Лавровский.

Глава двенадцатая

Мокроусов расположился в кресле, где не так давно уже восседало обвинение в лице Тони. Это был лысоватый человек в старомодном бежевом костюме, с маленькими хищными глазками. Он достал из кармана ручку и раскрыл принесённую с собой папку в чёрном кожаном переплёте.

– Фамилия, имя, отчество, – произнёс он скучным голосом.

– Веденева Флора Филипповна. – Я старалась держаться спокойно и даже немного с вызовом, всем своим видом показывая следователю, что он доставляет мне неудобство. Однако он ничуть не выглядел смущённым.

– Дата рождения.

– Шестое мая 1995 года.

Закутанная в тёплый халат, я полулежала перед ним на кровати со скорбным выражением лица. Вся одежда за несколько минут до прихода представителя закона была предусмотрительно убрана в шкаф, щипчики с зеркалом запихнуты в сумку, а сумка поставлена как положено, ручками вверх.

Информацию об исходящем звонке я стирать не стала – это скорее навело бы на подозрения, но из контактов Лавровского спешно удалила. Пусть будет незнакомый номер.

Когда с формальностями было покончено, Мокроусов поднял на меня тоскливый взгляд.

– Скажите, Флора Филипповна, зачем вы звонили Лавровскому за три дня до убийства? И его острые глаза уставились мне в переносицу.

– Я звонила Лавровскому? – фальшиво удивилась я. – Я?!

Сердце билось как бешеное. Я думала, что готова к этому вопросу, но он подействовал на меня как укус ядовитой змеи.

Следователь с трудом скрыл усмешку.

– Итак, вы утверждаете, – начал он нудно, – что не помните о звонке Андрею Лавровскому.

– Я утверждаю, – гневно сверкнула я глазами в его сторону, – что незнакома с Андреем Лавровским и никогда ему не звонила.

Мокроусов невозмутимо кивнул.

– Однако сестра Андрея Лавровского Зоя сообщила нам следующее. В день убийства брат навестил её, принёс продукты: она лежала с высоким давлением. Около восьми вечера он ушёл, сказав, что собирается в посёлок Щепнёво, в дом, известный под названием «Сорока», на встречу с вами – об этой встрече вы договорились по телефону четырнадцатого января. С собой он нёс картину Бенедетти «Весёлый щебет». Зоя утверждает, что речь шла о купле-продаже.

Мокроусов прищурил левый глаз, наблюдая, какое впечатление произвела на меня эта информация.

– Вы собирались приобрести картину? – наконец произнёс он, видя, что я молчу.

– Ничего я не собиралась! – воскликнула я раздражённо. – Я не звонила ему четырнадцатого января! Я не была в Щепнёве семнадцатого!

Будто не слыша, следователь продолжил:

– Как давно вы были знакомы с Лавровским?

– Я не была с ним знакома! – страшным голосом крикнула я, а в голове закопошились мысли об адвокате. Так вот почему следователь явился на дом. Чтобы я не успела подготовиться!

– Не были знакомы, – хмыкнул Эдуард Васильевич. – Позвольте ваш телефончик!

Он быстрым движением выхватил мобильник из моей руки и, ткнув несколько раз в экран, заявил:

– Ну вот, а говорили, незнакомы... Звонок сделан четырнадцатого января, в четверг, – последнюю фразу он произнёс металлическим тоном.

– А, так это номер Лавровского?! – изобразила я изумление.

Следователь снисходительно ухмыльнулся:

– Неплохая актёрская игра...

Я почувствовала, как мои синие глаза наливаются злой чернотой:

– Четырнадцатого января был юбилей моего отца, на котором присутствовало человек двести. И кто угодно мог улучшить момент, тайком позвонить по моему телефону и назначить встречу от моего имени.

– Вы имеете привычку оставлять телефон без присмотра? – прищурился Мокроусов.

– Да, имею, – огрызнулась я. – Меня часто приглашали танцевать, если хотите знать. Куда я, по-вашему, должна была засунуть телефон?

Не ответив на столь провокационный вопрос, следователь кивнул и зафиксировал моё пояснение в протоколе.

– Скажите, Флора Филипповна, где вы находились вечером семнадцатого января? Желательно поминутно.

– Здесь! – отрезала я довольно жёстко. – Я весь вечер была дома и никуда не выходила.

Следователь снова начал кропать что-то в протоколе.

– Есть ли у вас свидетели, которые могут это подтвердить?

– Да! – с размаху выкинула я козырную карту. – Моя сестра Вероника была со мной. Она приехала в начале седьмого и осталась допоздна. – Я бросила на следователя быстрый колочий взгляд. Что, съел? – Если этого недостаточно, есть и другие свидетели. Насколько мне известно, Андрей Лавровский был убит около девяти. Так вот: как раз в девять ко мне заходила соседка за мукой! Мать Игоря Ломова. Можете спросить у неё! – В этот миг мою голову внезапно посетила удивительная мысль, что Ника обманула меня и никакой соседки не было.

Я вдруг вспомнила, что уже давно не встречала на улице мать Ломова, и почувствовала, как предательски задрожали под пледом колени.

– Вот как?! – Мокроусов изумлённо поднял голову от протокола. Ручка растерянно зависла над исписанным на треть листом.

– Да, вот так, – добавила я уже менее уверенно.

– А Веронику соседка тоже видела? – как бы между прочим поинтересовался Эдуард Васильевич, быстро оправившись от лёгкого шока и вновь приблизив голову к сухим строкам протокола.

– Спросите у неё... – с нервным всхлипом я проглотила последнюю букву.

Судя по хитро блеснувшим глазкам, какая-то новая идея зародилась в мозгу следователя.

– Обязательно спрошу. А пока продолжим с вами. Итак, вы утверждаете, что в тот вечер с вами была Вероника, – прищурился Мокроусов, и к губам прилипла скользкая улыбка. Он внимательно наблюдал за моей реакцией.

– Утверждаю, – кивнула я.

Он кивнул и снова зачиркал ручкой по листу.

– До которого часа Вероника была здесь?

– До полуночи, – уверенно сказала я.

– Вы это точно помните? – Мокроусов поднял безволосые брови. Во взгляде скользнула ирония.

– Абсолютно точно.

В воздухе повисло напряжение. Закашлявшись, я провела рукой по лбу, стирая испарину.

Следователь усмехнулся и, выдержав паузу, заметил:

– А вот ваш супруг, с которым я побеседовал утром, утверждает, что приехал сюда в пять минут первого и нашёл вас в постели в глубоком обмороке, вызвал скорую... Так?

– Так... – Меня точно обдало ледяным душем.

– Он сказал, что улица в это время была абсолютно пуста. Куда же делась машина Вероники?

– Может, успела завернуть на Переяславское шоссе? – предположила я.

– Может... – неопределённо сказал Мокроусов. – Но что-то мне подсказывает, что Вероника уехала гораздо раньше. Причём, когда именно, вы знать не можете, так как пребывали без сознания. В вашей крови обнаружен алкоголь. Вы пьёте?

Господи, память моя, помоги мне!..

– Иногда, как все, – пожалала я плечами. – Если есть повод...

– А в тот вечер какой был повод? – ухватился Мокроусов за мои неосторожные слова. – Может, хлопнули с сестрой за встречу? А? – Он вдруг неприятно рассмеялся.

Не дождавшись ответа, следователь внезапно стал серьёзным.

– Не слишком добрый сосед алкоголю – тимидолин. Вы принимаете тимидолин?

Я не понимала, к чему он клонит.

– Нет, не принимаю.

– Каким же образом он оказался в вашей крови?

– Понятия не имею.

– И даже предположений нет?

– К сожалению, ни малейших.

– Ну хорошо... А где в это время находился ваш сотовый телефон? – продолжил он аккуратно затягивать петлю на моей шее, зайдя вдруг с другого боку таким сказочным тоном, как бабушка в платочке, растворяющая створки окошка в детской передаче.

– В какое время?.. – небрежно переспросила я, давя стремительно нарастающую тревогу.

– Меня интересует исключительно вечер семнадцатого, – Мокроусов поднял глаза к потолку и сосредоточил взгляд на люстре.

– Здесь... где же ещё?! – Между лопатками заструился пот. – Он всё время находился здесь.

– Но утром восемнадцатого января он был найден на пороге особняка «Сорока» дворником Ярославом Фатеевым. Как вы можете это объяснить?

Я почувствовала, что дыхание становится прерывистым.

– Никак... Вам надо, вы и объясняйте...

Следователь полистал свои записи.

– В 18.06 вам звонила Алина Батникова. Так?

– Так, – подтвердила я.

– И вы были дома.

– Дома.

– И телефон был с вами.

– А вы считаете, что я, будучи дома, побеседовала с Батниковой по телефону, находящемуся в Щепнёве? Или, поговорив дома, спокойно положила его на порог особняка? Я не обладаю умением вытянуть руку на тридцать пять километров, – зло буркнула я.

– Не надо так нервничать, Флора Филипповна. Следствие располагает сведениями о том, что в семь вечера семнадцатого января ваша сим-карта обнаружилась в районе особняка «Сорока» в Щепнёве. А в одиннадцатом часу с неё были совершены несколько звонков, в том числе Веронике Веденеевой, которая, по вашему же утверждению, находилась здесь, с вами, аж до полуночи! Как вы можете всё это объяснить? – спокойно спросил следователь.

В лицо мне бросилась краска.

– Это звонила не я, – едва сумела я выдать.

Эдуард Васильевич пронзил меня острыми въедливыми глазками.

– Ну, допустим, не вы. Но как телефон попал в Щепнёво, если в шесть вечера вы беседовали по нему и больше из дома не выходили? Ведь так? – уточнил он.

– Я неважно себя чувствовала в тот день, – резко сказала я. – У меня была температура. Есть заключение врача. Поехать в таком состоянии я никуда не могла.

– Угу... – Снова чирканье по листу протокола. – А возможно ли такое, что Вероника, уезжая, прихватила ваш телефон?

– Зачем ей мой телефон?.. – прошептала я.

Мокроусов отложил папку и пристально взгляделся в моё окаменевшее лицо.

– Флора Филипповна, вы, похоже, не понимаете всей серьёзности ситуации. Ваш телефон оказался на месте преступления! Ночью с него поступило несколько звонков, и по крайней мере один из них – с признанием в убийстве Андрея Лавровского! И вы должны помочь мне разобраться, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.